

International

Literary

magazine

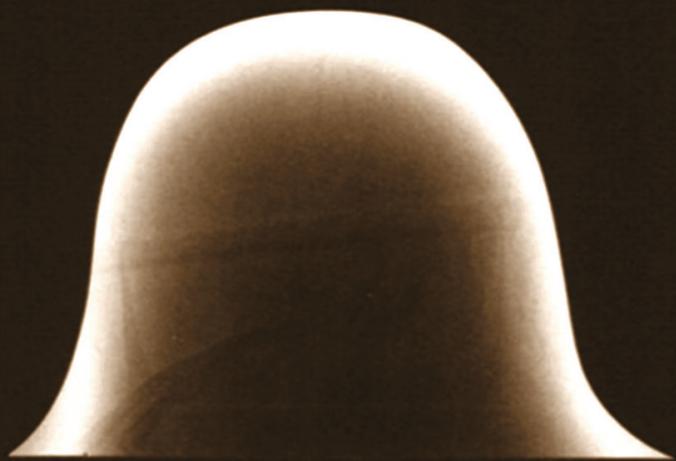
АЛКОПРОЗА

K R E
S C H A
T I K

Владимир
НАУМЕЦ

АЛКО-
ПРОЗА

ВЛАДИМИР НАУМЕЦ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛГА ФЕДОРОВА

Владимир НАУМЕЦ

АЛКОПРОЗА

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(430)-31
Н 34

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

*Дизайн обложки
Владимир Наумец*

Наумец В.

Н 34 Алкопроза / Владимир Наумец — Друкарський двір
Олега Федорова 2024 — 176 с.

ISBN 978-617-7955-90-9

В книгу Владимира Наумца, известного одесского художника, участника Первой Украинской выставки неофициальных художников «Мюнхен–Париж–Лондон–Нью-Йорк» в 1979 г. вошли три повести: «Кисть руки», «Алкопроза» и «Шляпа с полями», в которых он рассказывает о событиях своей жизни.

«Улица, ведущая к монастырю, то вспучивалась, то проваливалась, но я, в общем-то, шел в “Гастроном”.

Как по клавишам.

Вставив три бесценные бутылки снарядами в снег, я задумчиво уплыл под монастырский свод.

И увидел себя тощим юношей, лет пятнадцать назад копирующим клеймо иконы...»

УДК 821.161.1'06(430)-31

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК) © Наумец В., 2024

ISBN 978-617-7955-90-9

© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

***Посвящается
В.И. Порудоминскому***

КИСТЬ РУКИ

Предупреждение первое

Все свое отдал,
продал,
потерял,
пропил,
подарил
или украли

Предупреждение второе

О, Господи,
размышление односвязей
в глубине по-доброму
«Память, я полагаю,
есть замена хвоста, навсегда
утраченного нами в счастливом
процессе эволюции».

И. Бродский

«Я скажу тебе
с последней прямокой —
всё лишь бредни,
шерри-бренди, ангел мой».

О. Мандельштам

«В руках Твоих дух мой».

Псалтырь

* * *

В конце восьмидесятых годов на улицах Германии белокурые красавицы гренадерского роста готовы были сейчас же рожать фюрера. Тогда еще обе Германии не слились в экстазе, и безработные ездили отдыхать в Испанию.

Часто шел типичный немецкий дождик — каждая капля идеальной формы и под своим инвентарным номером точно попадала в предназначенное ей место.

И все дарили друг другу шоколад, так как никто его не ел.

Все земли Германии промыты с порошком и стерильны, как психбольницы, а осколки небесного пунктира зачищены.

Я сам себе смеялся, проснувшись, что в городе немцы.

Всё тесно, сжато и уютно.

Только выскользнув из вагона поезда, ты уже в цветном водопаде витражей Кёльнского собора, а выйдя из него, спотыкаешься о мятую консервную банку музея современного искусства.

Вокруг, обтекаемая медью, валялись женщины Генри Мура.

В огромной зале этого музея состоялось собрание на тему «Московская художественная сцена», и я был призван на сцену как живой свидетель.

«Я химическим карандашом перерисовал из газеты “Сталина в гробу” и послал рисунок родителям, отдохнувшим тогда в санатории Чкалова. Мне было около восьми, и с этого все началось».

Зал заулыбался, до того как Ириш перевела на немецкий, и меня успокоило, что среди музейщиков, галерейщиков и искусствоведов есть люди понимающие.

После показа слайдов зажегся свет, и передо мной возникли Кенда и Яков Бар-Гера, галерейщики еще с 60-х годов.

Они улыбались первыми, первыми и организовали мою выставку через полгода.

Это были столовые клеенки в полоску, клеточку и цветочки. Серия.

За неимением холстов я писал на обратной, тканевой стороне свои «Распятия», истекающие краской.

Перед открытием прошел слух, что автор повредился в уме.

На вернисаже все ожидали его, выезжающего на инвалидной коляске.

Иначе клеенки объяснить нельзя.

Кроме Кенды и Якоба из кресел возник человек, улыбаясь ртом.

В глазах его стоял дым.

Предложил свои сети галереи «Форум», и мы поехали с ним в ночь.

Серый особняк-теремок, второй этаж — выставочный, в подвале можно бросить кости всей семьей.

Оказался дом «Opus Dei».

Опус. Что нам опус? Пусть Опус.

Пустой звук. Для нас.

Христу поклоняются?

Богородицу чтят?

Достаточно.

* * *

Зеркало. Молоко табачного дыма, в котором плавают мой глаз с разбитой бровью.

Сейчас он впечатывает чайные ситечки созвездия Орион, а вчера скатывался по лестнице ресторана «Урал», а душа неподалеку считала ступени.

Лицо человека всегда отпечаток Распятия.

И остался над бровью шрам точно молния расколовшегося неба.

Люди в халатах держали иголки и нитки, и я, отстраняясь, прислушивался, как шевелится кровь в моей бороде.

Утром добрый Башенин выдал мне штаны взамен залитых кровью, короткие, нелепого оранжевого вельвета, и я, выходя из-под моста Садового кольца, хрустел тонким льдом к Андроникову монастырю.

Так, шаг за шагом, не спеша и не сбивая скорости, рука в кармане со слипшимся комком меди и серебра, другая снаружи для равновесия — ведь жизнь скользкая, что в следующий миг?

Но идти-то надо. Знаешь.

Ведь больно — камни на пути, а здесь еще и асфальт подо льдом.

«Коктейль “Асфальт подо льдом”», — веселил я себя.

Нет — пиво в снегу. Хочется.

Тело в оболочке длиннополого серого в рубчик пальто с крупной пуговицей у горла, на которую капает кровь: точка — тире — точка.

Улица, ведущая к монастырю, то вспучивалась, то проваливалась, но я, в общем-то, шел в «Гастроном».

Как по клавишам.

Вставив три бесценные бутылки снарядами в снег, я задумчиво уплыл под монастырский свод.

И увидел себя тощим юношей, лет пятнадцать назад копирующим клеймо иконы. «Колесование».

Горбатый скверик охватывала река, и монахи пятнадцатого века мелкими шажками сбегали здесь за водой.

Прилепив кусок снега на бровь, я расстегнул пуговицу у горла и стал успокаиваться.

Просто отжал жигулевскую крышку о фонарный столб.

— А что, собственно, плохо? Я здесь, у Рублёва, под колпаком монастырской тиши, а вокруг — вокруг ворочат невидимыми рычагами и шестеренками зверь-гигант.

Заскорузлым ногтем с ржавой каймой я ласково потер мятый коробок спичек. И чиркнул одной, когда хлопья снега с ветвей пересели ко мне на плечи эполетами.

И — спичкой на снегу поставил точку.

Что-то надо было поберечь бы, — но не сберегу — уж это точно.

Взглянув на не свои апельсиновые штаны с белоснежной бахромой, я тотчас сообразил, что три пустые бутылки плюс одна копейка равняются одной полной бутылке, что я и сделал, держа в голове клеймо иконы с пыткой колесованием.

Как-то эти дни, годы и часы мелькали точно клейма икон с пытками.

И я их копировал.

А мой усталый отец молча сидел в моей мастерской на Солянке, временами поворачивал густые седые брови на разбросанные холсты с кусками красок и ждал меня.

Мы не виделись несколько лет, но не было сил предстать перед ним.

Тот Блудный сын, который сидел во мне, еще не докрутил свое колесо испытаний и привязан был к нему за руки и за ноги.

А тело — тело, как прокуренный окорок с фиолетовым штампом-паспортом, перемещалось в пространстве.

Невидимая Рука вращает Колесо, и летят искры от заточки ножа.

Скрюченным указательным пальцем я поворачивал цифровые гнезда, пока не услышал разбитый ситом трубки глухой голос соседа:

— Их дома нет!

Вздохнув, я понял, что могу возвращаться, — отец не дождался.

Побитой собакой я пробирался среди холстов по тропинке к топчану и рухнул, поджав хвост.

В масляном воздухе висела взвешенная пыль, в щель окна пробивалась вата с Красной площади.

Телефонный звонок просверлил эту вату и переродился в веселый женский голос:

— Приходи к нам — у нас весело. Пейзаж есть. Не хватает художника.

— Приду, — сказал я, хотя точно знал, что не приду.
Следующий звонок просверлил уже грудь. Звонил отец.

Он у Казанского под часами, просит проводить.

Я отрешенно скользил спиной по стене. Штукатурка слоями, телефоны нацарапаны химическим карандашом, ногтем заезженные знаки...

— Нет, не могу, — ответил я и повесил свой черный вздох на рычаг.

Налево темный коридор поворачивает направо в темный коридор, а там кухня, где у меня шкафчик.

Это моя аптечка.

Там на всякий случай притаился стакан портвейна.

И внезапно из-под паркета возникает Кузьмин, щурит умные глаза и выдает афоризм.

И мы полощем горло плодово-ягодной смесью и вдруг, окидывая комнату одним глазом, я замечаю, что все расставлено по местам.

Пространство расширилось, тепло и уютно, беспорядок продуман, ни одной лишней вещи, и табак пахнет Турцией.

Но вот гороховый перестук колес, я в вагоне, схвачен деревянными ребрами сиденья, а передо мной уже не Кузьмин, а Грачев протягивает бледное колыхание в стеклянной упаковке.

Крахмал хрустит под ногами и, зажав за щекой льдинку, домики скатываются с холма мимо свечки-часовенки к каменному кольцу монастыря.

К Сергию.

В снежной канаве кубики поленьев сбились в кучу от холода.

Мы кормили прожорливую печь, и руки друга перевязывали мою рану своим праздничным галстуком канареечного цвета.

Кристалльный воздух разошелся — наверху, на деревянном этаже, кто-то робко нажимал клавиши. Разучивая этюд, как бы учился говорить, побороть заикание, не замечая, что эти пять-шесть нот по диагонали уходили вверх сквозь чистый звонкий воздух.

И где-то совсем высоко звук сливался со светом.

* * *

Два активиста, два окучивателя и рыбака «Опуса» сидели в диване цвета супа горохового.

Два веселых гуся.

Один (Х.) с обвораживающей улыбкой и дымным взглядом.

Другой (К.) с мятым черепом инквизитора и коробочкой леденцов в кармане.

Один курил трубку «Данхил», другой вдыхал дорогой дым и бросал за щеку леденец.

Кенда Бар-Гера, взяв меня под локоть, шептала:

— Вова, они же гомо.

Я взглянул на них новыми глазами. Портрет был парный.

Х. поднялся с гороха и сказал:

— Владимир, завтра ты мне расскажешь про минимализм, а я тебе про целибат.

Он воспринимал минимализм как извращение.

Столетний дом Опуса точно муравейник пронизан переходами, и я его весь завесил искусством. Над каждой ступенькой картина, за каждой дверью. В каждом ящике стола графические листы.

Дом пропитан дешевой масляной краской, битумом и покрылся пылью угля и сангины.

— Либе Ханс, либе Курт, гуте аусштелунг! — прорезали паркет первые немецкие слова Дашки и Илюшки.

Расковыряв мусорник, они набрали листков и развели свою экспозицию. С хохотом и гримасами два маленьких человечка кнопили какие-то бланки с текстом и таблицами.

То были списки членов «Опуса Деи».

Тайных и явных.

Какие-то подсчеты и распоряжения.

Адреса.

Крошки не понимали, что основная экспозиция была у них.

Правда, каталог оказался бы под большим секретом.

К башне этого дома стягивались многие нити.

Иногда они заплетались в петли.

В башне был кабинет X. с библиотекой и роскошным столом.

Здесь он, пытая красной трубкой, задумывал, куда забросить удочку.

По вечерам, когда горел свет, и густой Данхил поднимался к потолку, Дашенька говорила:

— Сегодня красавица в теремке.

* * *

Сырая русская изба на Нижней Крестьянке. Слепые окна затронуты мутным целлофаном, и снежная крупа иглами протыкает его.

Всё покосилось, как на холсте Шагала.

Вокруг дома бегают два пьяных художника. Тот, кто в тельняшке, с топором, кричит сквозь слезы:

— Я зарублю твои голубые глаза!

Из снежной пыли выдерживались зеленые перья лука. Они хрустели на зубах, набитые льдом.

В избе я распотрошил несколько сухих окурков, свернул обрывок газеты трубкой, полюбил один край и закурил.

Стены деревянные, покрыты зеленой краской, как и забор.

Пол деревянный — краской, какой обычно красят крыши.

Мастер назвал бы ее суриком.

Куски обоев представляли орнамент из лохмотьев розовых и зеленых огурцов.

Кое-где жили самостоятельной жизнью синие, черные, красные пятна с отпечатками пальцев.

Они висели на стенах драгоценностью.

И с размахом, на всю стену, углем:

КТО СКАЗАЛ МЯУ?

Там, где печь, из грязного тумана загадочно выглядывало лицо. Синее и задумчивое. Писанное темперой.

Правый глаз полустерт.

Левый пронизательно заглядывал в душу.

Сбоку выцарапано название ближайшей автостоянки.

Из кольца печной дверцы выглядывал тонкий кованый серп изящной формы, но без ручки.

Выше, на гвозде, белое полотенце, расшитое цветами и порванное пополам.

Над косяком двери — рисунок в порыве вдохновения — тупоносый ботинок со шпорой, четырьмя дырками и шнурком.

Из ботинка, как из пещеры, выглядывает женщина с обнаженной грудью.

Левее в стену вбиты три гвоздя.

На одном — сломанный зонтик.

На двух других по пружинке.

Далее на огуречных обоях темперой алые губы, черный провал рта с золотым зубом. Подпись — ГЛАЗ.

Я встал — внезапно увиденное обожгло, вонзилось, расщепляло на молекулы внутреннее тело, пространство исчезло.

Я еле собрал его в комок.

Было серо-голубое крыло там, где должна быть левая рука.

Хотя, может быть, она и под крылом.

Я увидел это внезапно, случайно взглянув на кучу мусора.

И всё сразу — просто, реально и четко.

Диагональную композицию, и цвет, и состояние той секунды, которая предшествует взлету.

Рука потянулась к столу, пальцы взяли карандаш.

Не рывком, нежно, с внутренним дрожанием.

Придвинув стул, я поставил на него ящик и закурил.

Это он, давно ненужный, валялся на полу среди прочего хлама, его приходилось иногда ударом ноги отшвыривать в сторону, о него тушили сигареты, — и он вдруг ожил.

Вернее, только его нижняя часть тонкой фанеры, в нагромождении упругих линий, пятен светотени, сучков — все это вдруг ожило, заговорило, еще очень тихо и невнятно. Издалека.

Я встал, сдернул душивший меня шарф, бросил его на кровать и вышел во двор.

Кистью руки резким движением разбил лед в бочке с дождевой водой.

Во льду запечатаны листья с кровавыми краями и точками, вдвое сложенные крылья мотылька и...

Запаян вчерашний день или прошлый год.

И я опускаю лицо свое в бочку с дождевой водой. Спрятать слезы.

Пахнет пивом, прошедшим сквозь тело.

В углу веранды желтой гармошкой кипа старых газет.

Я разворачиваю одну и прижимаю к мокрому лицу.

На лбу отпечатываются слова и буквы.

В обратном порядке.

В Барселоне на набережной у чистильщика сапог черное лицо.

— За пятнадцать начищу — гарантия два года, — и в глазах его отразилась улица и белые лошади полицейских под пальмами.

Он быстро надраивает один сапог.

— Еще пятнадцать — другой начищу, у меня семья, дети, — в стеклянных глазах черного лица падали кукурузные башни Гауди.

Я вынул купюры, взглянул на радужные нефтяные блики моря и отвернулся. С барселонских балконов свисали цветы и хмели, как в Одессе.

Наш автобус из Кельна просверлил всю Францию к дороге Якова.

В парижском ресторане, где за перегородкой плакала официантка, мы что-то съели, и Ириш спросила меня:

— Что это было — первое, второе или третье?

Потом остановились в виноградниках, сорвали розовую гроздь муската, поглядывая — не пристрелит ли хозяин.

В Испании красная земля у Сарагосы, точно плащ тореро.

Полированы телами скамьи в храмах, и вековая копоть беззвучных молитв осела на стенах.

И протрясли нас по искривленной дороге к Эскриве (основателю «Опус Деи»).

На краю Испании этот храм.

Голое плато, страшный обрыв и гирлянда гор в молке.

Огромный платок неба, узлы и кисти на вершинах гор.

Ступень гигантская под платком, и на ступени каменный нарост храма, обвитого прогулочными дорожками, как осьминогом.

Внутри партеры, балконы, ложи — темные ячейки театральных тайн.

Подсвеченные алебастровые фигурки извиваются на разных уровнях, и камень светится изнутри, как воск.

За сценой-иконостасом загибается коридорчик с «мощами» Эскривы.

К ним подходят поклонники и искривляются, приседая на ногу.

Но где же Ириш?

Я нашел ее на прогулочной ленте за храмом, и каждый удар ее сердца отдавался в зрачках.

Невидимые кольца стягивали этот храм и всякого входящего в него.

Далеко внизу блестела вода, еще дальше — обломанный гребень гор, за который скатывается театральное солнце.

А вот и алтарь.

Он прямо на закат.

Но ведь алтари всего мира на восток!

Страшный удар разорвал кольца.

В полубоморочном состоянии в полутемном гостиничном номере мы шептали слова благодарности своему Ангелу Хранителю.

У нас открылись глаза.

На другой день вопрос к «старшему группы»:

— Почему алтарь на запад?

— Так было удобно архитектору, — был ответ.

Но кто здесь главный архитектор?

Завораживающе красиво, но не наше место.

Ступень Апокалипсиса.

Мозоль. Нервный центр Эскривы.

Когда я пришел в себя, он уже скончался.

Душа его была еще где-то рядом и с недоумением взирала на мутную пластиковую трубку, приклеенную скотчем к носу своего тела.

Крики-шепот кончились, оставив пену у рта.

Он уходил, но фиолетовые пятна длинных его ног только дрожали.

Другой, привязанный к кровати сети, был обнажен и молод.

Тренированные мышцы извивались под татуированной кожей, как под темным тюлем. По нему двигались корабли, айсберги, якоря, и выкрики его были точно «Свистать всех наверх!».

Душа его еще билась в разрисованной оболочке и ждала своего часа.

«Всех наверх!» — дрожало в воздухе.

Третьим в реанимации был я, и молодой санитар с лукавой усмешкой подошел ко мне.

Всё вывернулось, и потолок был подо мной, и я висел над потолком, а санитары фиксировали меня по рукам-ногам кусками скрученных простыней, и только так я оставался свободен.

А тело мое оставалось крестообразным, а не скрюченным.

Моя борода в запекшейся крови смешно торчала мятым треугольником.

Запах близости параллельного мира.

Бездверный проем реанимационной сквозняком нес поток этого мира — там три медбрата подсчитывали долги.

Мутная стена сползла к ногам.

Звон-жужжание серого пятна в барабанной перепонке.

Появился молодой санитар, и что-то взвизгнуло, как лопнула струна и судорогой прошла по телу.

Кисть руки разжалась, как в милостыне.

Крошечной молнией сверкнуло мое колечко — по серебру тисненные буквы — «Пресв. Богородица спаси насъ».

Безличное преобразилось в личностное, в его ухмылку, в глаза-буравчики.

Скрюченный палец санитаря медленно тянулся к моему спасительному колечку.

Потолок выгнулся. Стены исчезли.

Его голос, как будто издали, из-за угла:

— ...а что это у тебя такое? Дай померить... — с внутренним продолжением:

— Тебе это уже не понадобится.

Тонкий раскат грома издали, но внутри.

Пелена исчезла. Анонимная энергия столкнулась с именным кольцом.

Лицо мое выражало ужас, хотя внутри полное спокойствие, и я закричал. Отчаянный вопль раздался в другом пространстве и отразился в зрачках. Он услышал и отступил.

Уже проваливаясь, дрожащим чужим голосом я звал врача, и пришла женщина в халате, грустно слушала, вернее, наблюдала, как я сквозь бурый комок бороды выдавливал слова, я обещал сделать ее портрет, если она меня спасет.

К удивлению санитаров, она принесла мне что-то в пластмассовом стаканчике.

Я не знал, были ли мои глаза открыты, но я все видел, хотя был слеп.

Величественный женский образ проплывал медленно и тихо передо мной слева направо.

И я узнал Ее. Непохожая ни на одно изображение, Она походила на все сразу.

Под глазами скорбные резкие складки, они полны светлых слез.

Вокруг головы — тонкие сущности-энергии, как прозрачные пчелы.

Может ли привязанный это понять?

Нет. Только зафиксированный на четыре точки.

Все скорби оставили меня.

Только спокойствие и свет.

Но все проплывало мимо.

Только одна из сущностей приблизилась ко мне с неммым вопросом, который родился во мне такими словами:

«Ну, как тебе, что ты скажешь?»

«Мудрая...» — подумал я.

Это был ответ зафиксированного, но не освобожденного.

Хотя для меня в этот момент стен не было, я чувствовал тонкую, но всеильную реанимацию.

Все исчезло внезапно, как и появилось.

Открыл глаза. Хрусталики сфокусировали стены, дверной проем.

Сидят молодые санитары, подсчитывают долги.

— Три шестьдесят две, но рубль двадцать я отдал.

— И три пустые взамен.

Рваная рана в виде серпа и молота на моей голове. Я смахнул повязку, пятнистую, как глубоководная рыба, и хлынула кровь. Она текла по лбу, разбегалась по бровям и соединялась на шее.

Я осознавал, это плохая кровь.

Она должна выйти.

Острые энергии кололи мой череп, и глубже, еще глубже.

Медбрат наскоро заштопал рану.

Сквозь «рубль двадцать и три пустых взамен» послышалась далекая музыка.

Во рту вкус горького молочка сломанного стебля травы.

Но это было после.

А сначала я, извернувшись, совершенно спокойно зубами развязал тряпку одной руки, потом другой и сел.

Московская больница пахла московской больницей, со всеми умирающими и выздоравливающими.

Больница — граница. Место смерти-рождения.

Вот здесь, после всего, может родиться художник.

Если не умрет.

Татуированный очнулся, озираясь и ничего не понимая, голым прошлепал по коридору в соседнюю палату и стал заглядывать в окно.

Но не вниз, а вверх.

Наковки на нем уже не двигались, а стали просто картинками.

* * *

Ковыряя зубочисткой, Х. ладонью прикрывал рот и улыбался.

Задавая вопрос за вопросом (вероятно, по заранее придуманному и уточненному среди «братьев» списку), он успевал незаметно проглотить килограммовый бифштекс с салатами и запить рейнским вином.

Потом, ковыряя душу, прикрывал лицо ладонью, и на пальце его мерцал перстень с голубым камнем.

После удачной распродажи моей выставки «Знак и образ» Х. ловко состряпал бумагу мне на подпись.

Об эксклюзивных правах.

Я не подписал, понес в музей разобраться, и там определили, что это завуалированная ловушка. Всю жизнь работать на них и не вырваться. Паутина.

Было такое — хотели поселить меня в лесу в каком-то доме и поставлять материалы для мозаик и холстов.

Семья нищего художника — лепи что хочешь.

— Как вы посмели? — вскричали два гуся, узнав о консультации. В какой-то момент они решили, что мы уже их.

— Из России люди какие-то непонятные и непредсказуемые, — говорили они полусшепотом.

Более понятны из стран Южной Америки — ими заполнено общежитие за старым кладбищем Мелатен в Кёльне.

* * *

Кисть руки провела линию.
Рывком, но плавную.
Однажды я подумал о линии так:
У нее нет матери (все ее мать)
и отец ее в тюрьме (он свободен)
танцуя
она стала такой
глаза открыла на восток
вынула
обмакнула меня чернилами
написала набело
внутренним человеком
продолжая пространством
но — ничего, ничего
она — анестезия
и ураган в натуральную величину
и — разве ее глаза могут лгать?
она — выход и уход
она — после вкуса боли.

* * *

Абстракционист с пятьдесят девятого года Ворофкин хмурит лоб, и его морщины пересекает глубокий рельсовый шрам.

Прошло время, когда он написал «Волосогрызку», от которой кожа на спине ходит волнами, и настало время «репортажей из-за горизонта».

Как-то, шутя, он мне сказал:

— Эка ты, братец, этак незаметно вона как, голубь ты мой!

Он все понимал, во всем достиг отдаленных пределов.

«Этак незаметно он вылакал весь херес».

Как-то С. А. высказал такую идею: — мысль идет впереди времени...

Ворофикин: — она упряма как колбаса за два двадцать.

С. А. — она имеет вес (и, опомнившись) — мысль как колбаса?

В. — да, за два двадцать

С. А. — я не говорю о цене.

В. — мысль имеет цену

С. А. — давай, продолжай мысль...

В. — мысль — колбаса за 2-20.

И Ворофикин стоял в дверях булочной и думал: 2-20 2-20 2-20 2-20 2-20...

— Молодой человек, разрешите пройти.

— Осторожно, я думаю.

— Ну и что? Может быть, вы думаете, о чем не полагается?

— Некоторым и не полагается.

— Я тоже когда-то думал. За веру, царя и отечество.

— А я думаю о своем. Осторожно, я думаю.

— Все хорошо, только что-то не так.

— А что не так?

— Вот это не так и смущает.

— А если было бы так — так это и было бы.

* * *

Рельсовый шрам пролегает в морщинах Ворофикина.
— Я тогда ничего не знал и с бантом на шее только что выполз из-под маминой юбки.

Сижу, пишу этюд — дом, сирень, огонек, мир, доброта и тепло.

Подходит бабушка, седой светящийся человек.

— Что сымашь, сынок?

Она просто подошла и спросила.

И я был ничто на этом стульчике алюминиевом с бантом на шее.

— Да вот, бабушка, ваш дом, сирень.

— Столько лет я прожила в этом доме и не знала, что он такой красивый.

«Это было прямо в центр.

Что это такое, я просто не знаю и знать не хочу. Чувствовать — да. Седой, старый человек, проживший жизнь, и я, мальчик с бантом и в этих ботиночках.

А потом мы вместе заплакали».

* * *

Ворофикин не замечает, как пепел падает на колено, а потом в его ботинок из свиной кожи.

Наполнив стакан, берет двумя пальцами рыбью голову и спрашивает проникновенно:

— А ты сможешь высосать глаз у селедки, который умнее философского словаря?

Он пьет, а я слезу за прыгучими движениями его бороды и спрашиваю:

— Ну, где ты и что?

— Я? Я могу работать и в ванной, и на кухне, но только когда спят. Я работаю интенсивно, и при всей доброте сна — вот это да! — сон это добро, по самому большому счету — я только сейчас об этом подумал.

Полжизни во сне. Человек спит — он живет. И я живу — не сплю.

А в удобоваримой форме — два человека рядом, один спит, другой — нет.

И оба живут интенсивной жизнью.

После нескольких глотков, вытерев бороду, он продолжает:

— Давно задумал холст «Дитя ведущий». Один человек, седой и старый, идет и ведет (над ним простор) ведет сам себя в конкретном образе.

Портрет точнейший.

Хочу обозначить края формы и оставить среду внутри для нормального обдумывания любого человека.

* * *

Во время скитаний, в пустующем доме на Нижней Крестьянке, Ворофикин сделал прекрасную акварель, и она до сих пор стоит перед глазами — что-либо точнее по передаче того состояния трудно себе представить.

Большое белое пространство
(может быть, снег, морозное небо или туман в окнах с выбитыми стеклами)

Маленькие коричневые пятнышки
(как кусочки дерева, влажного и полусгнившего, забор или сад с замерзшими сливами)

Нервная серо-зеленая линия
(возможно, горизонт, пересекает лист пополам, или угол комнаты)

Серое пятно
(оно выше линии горизонта, отражается зеленым острым, точно кусок льда в бочке, из которой мы умываемся)

Легкой голубой линией очерчен полукруг

(возможно, луна зимней ночью)
Плавные и острые голубые углы
(звезда висит над горизонтом)
Едва заметные коричневые линии
(как волны тепла от досок или запах кустов боярышника)

Серые овалы неправильной формы
(сигаретный дым, ожидание, уход в себя)
Сгустки серого соприкасаются с темно-зелено-коричневым

(состояние уходящего времени)
Белое, с голубым напряжением острия
(распарывает темное пятно, превращаясь в зеленую землю, золотистые доски, белый снег)

Так он изобразил и так я воспринял.

А сейчас я набиваю трубку «пользительного табаку», а он отпивает «желудочного ликеру» и продолжает:

— Почему я так делаю? Наверное потому, что мне неважно, сказал ли это я или другой кто-нибудь (на холсте).

А мне важно сохранить с а м холст, который говорит сам, будет говорить, когда я ему немного помогу, и будет жить своей жизнью.

Не заставлять, а приглашать.

Участвовать то ли в спокойном раздумье, то ли в празднике.

И конечно, очень важно не сделать холст, утверждающий себя или утверждающий тебя, и даже не родить холст.

А сделать и создать среду, атмосферу, в которой человек может развиваться сам по себе, и тем самым принимать участие в акте творчества?

После его смерти у меня сохранился лоскут бумаги с его записью:

«Сегодня 7 ноября 1975 года.

Падающий голубь по диагонали (падающей)

(рисунок птицы с траекторией полета)

А голубь вчера у меня сдох.

Проснулся. Темно. Ели за окном. Пустая тишина. Пустая раскладушка. На полу, который скрипит, влево на одну треть от окна смятое голубо-дохлое с серо-серым покрывало, на котором глажу штаны, черные, как дудки изжеванных сегодняшних сосисок, т.е. когда я их ел в 1970 году в последний раз».

* * *

Над полем низко, очень низко пролетела птица. Внезапно из высокой травы выпрыгнула собака.

Она пыталась схватить птицу на лету.

Поле с птицей и собакой.

— А помнишь КМ? Кафе «Молодежное»?

Публика утром ломится в одну сторону, а я сажусь в другую и в кармане у меня трояк.

Захожу. Полупусто. Сонная буфетчица.

Окно большое, вровень с землей.

Ощущение дождя, тихая грусть, в носу щекочет, вроде как плакать хочется.

Сажу у окна, деревья торчат из асфальта. Ощущение осени.

Тихая грусть, как глаза маленькой дворняжки со слегка наклоненной головой, как бы присматривается к тебе.

Вино как компаньон. «Гарни розовый».

За окном троллейбус.

Подходит-отходит, подходит-отходит.

Ощущение подходящего и отходящего, но не уходящего.

Музыка блюзовая. Сакс полупшепотом. Фортепьяно шепелявит чуть-чуть.

Потом вино, кончено.

Лучшие рисунки сделаны там, и в то время.

Ощущение, что сижу прямо на улице, и вроде не в Москве, а где-то в другом мире, близко связанном с этим, но другом.

Фантазия кончилась, начал понемногу чувствовать, как звук пощипывает в носу.

Под конец публики больше и больше.

Мамы, сосиски, приятели.

Один с бритой головой.

День длинный, резиновый и непонятный.

Приходят Сармакашев, Вагиф и другие.

Ко мне отношение было как никогда бережное в этот день.

Вдруг что-то потрясающе переполнило меня, и я поднимаюсь к музыкантам.

— Парни, даю тему для саксофона. Вагиф, начни ритм раскачивания.

Улыбка сходит у всех с лица.

Визг-крик. Как меня выжали.

Это и мой голос, и голос чей-то.

Я снова и снова врвался с позиции саксофона.

Я сам был раздавлен, вернее, заражен.

Это чем-то напоминало Равеля в джазовом варианте.

Но там больше по поверхности, а это сверлом внутрь.

Казалось, дальше некуда.

И все ждут, что придет конец, и меня на следующее просто не хватит.

Но я на скорости несусь:

— Та-та-та-та-та-та...

Вы думаете, кончилось?

Раз — сбив — и еще выше...

При определенном настрое и ситуации и определенном отношении к этим ситуациям я был выражением неизвестно чего.

Мне дают ход — и я стегаю это пространство!
Потом все это выше столбом.
Я стоял как перед последней дверью.
Потом боль. Короткая, в виде зигзага.
Причем не физическая, нездешняя, несравнимая.
Зигзагообразная боль сантиметров двенадцать.
Короткая и толстая (в палец толщиной).
И в голове засвирищало. Стоп!
Иначе сдвинешься, уйдешь за горизонт и не вер-
нешься.

* * *

небольшой как уголь весельчак
человек старше даже меня
а я тут сижу жду
головы в темноте повернулись
смех клокотал в нем и кипел
а я все слышал или почти все
свет был совсем рядом
они смеются жестикулирую ходят
и возятся с барабанами
женский голос выкрикнул имя
паясничая церемонно но тронутый
и каждому не старался скрыть
худощавый и светло-коричневый
подпрыгнул и ударил
контрабасист пошел к контрабасу
что-то отворяется внутри
и входит в нас
ибо творящий торжествует
лицо его смятенно
отбивая такт он причитал на струнах
слушая всех
он слушал е г о
он хотел оторваться от берега

он бывал там и знает
он ждал и хотел
отношение к жизни дыханию
инструменту дереву струнам
большим молоточком и маленьким
слоновой кости
продолжалось сожжение сокрытого
что-то струнулось
и отпустило поводок
нежно тонко немного отчужденно
может быть труба сказала что-то
сухо мрачно прекрасно спокойно и старо
они встретились снова как одна семья
и какое-то время радовались
и не могли прийти в себя от открытия
и позабыв об остальном соглашались
пружинистей и глубже запульсировало
ожидание и о чем оно оказывается
я искал пути слышать снова и снова
он меняет обличье и становится глубже
лицо и тело
руки на струнах
какое горение нужно нам?
вернуться к простому ясному и узнавать
через это пройти чтоб тело успокоилось?
отдавать как должно быть отдано все?
овладеть длинной нитью смысла?
чувствовать как больно камни на пути?
мир ждет снаружи
он голодный.

* * *

У зверей валялась куча записок.

На различных клочках бумаги, на обороте рисунков, на кусках обоев карандашом и ручкой, с приписками на полях.

Весь пол веранды, между поленьями дров и старыми журналами, в щелях дверного косяка и с мусором в углу — все было усеяно вопросами, ответами, ожиданием.

Я где-то пропадал, вернулся и старался что-то понять.

«Володя! Я пошел к Тане.

Может быть, поеду туда.

Павел

Когда уйдешь, напиши.

Я долго тебя ждал».

«Жаль, не дождался. Очень много потерял. Терпения тебе не хватило. Но уже ничего не вернешь.

Володя»

«Женя! Мы скоро придем. Обожди или приходи вечером. Принеси деньги, трафареты и пару кистей среднего размера.

Володя, Павел»

«Павел! Я у Жени.

Володя»

«Володя! Ждал тебя и не дождался.

Иду звонить Жене и узнать, где ты и что. Позвоню Тане, и может быть, поеду туда. Напиши, когда будешь.

Павел

суббота (утро)»

«Павел! Я скоро буду, никуда не исчезай. Обожди меня.

Володя»

«Куда вы провалились?

Женя»

Я вышел во двор и опустил лицо в бочку с дождевой водой.

Вернувшись к запискам, я нашел вот это:

(почерк А. Ю.)

1. Когда Женя рубит, он ударяет раз, потом, размахнувшись, — два. Щепки через сортир в чужой запущенный сад, чужой огород.

Потом их собирают.

2. Я жив. Пока стена моя покрыта изумрудной энкаустикой и вдоль позвоночника тянут паяльник.

3. Я чувствую.

От тени у твоего носа

до тени моего носа

параллельно

Игра.

(почерк В. П.)

Ты сидишь в кремовой рубашке, а вокруг Виктор Михайлович ходит с примитивистами и пуританским оттенком...

Говор, когда метель поет за полиэтиленовой пленкой.

(почерк Е. М.)

Виктор открыл волнистую перспективу (т. е. ящик)

Володя несколько ящиков, между которыми волны.

(почерк В. П.)

стихотворение — 6272

Даже бурят-монголы возмутились. Получился виадук, а потом сломался.

(почерк В. М.)

выпьем же за високосный год,

год несчастий и невзгод

Далее — рисунок. Двое целуются, провалившись в кресло.

(почерк А. Ю.)

«Я люблю цветные колокола, потом, высморкавшись на кухне, добавил — и птиц».

Свеча. Портвейн. Похоть и копоть.

На зеркале.

(почерк А. Ю.)

Сегодня с утра в «Лесу» пела
посторонняя и странная
птица-наумец
назавтра не было бы кайфа
была бы память
не было бы памяти
был бы кайф
Черным фломастером (почерк В. М.)
Когда на внутренней педали
собираются орлы-стервятники
и выклевывают мякоть
каждому свое
я не признаю
мир свидетельства
(почерк А. Ю.)

Перебирая у кота рыжего за ухом, я чувствую портвейн или игру пивного ларька у царицынского дворца.
Перебирая за ухом у рыжего кота, я чувствую, что если он умрет, то вместе с нами.

(почерк В. М.)

1. Хотелось яблоне посмотреть
в глаза сидящего рояля
2. Зима мудра седыми яблонями
яблонь весною тоскует
3. А яблонь тоскует о груше,
где есть тень
и никто не есть груш.

(почерк В. П.)

Не надо грызть зубами звериную клетку.
Я выкрасил мир (и туалет тоже)
в энкаустический цвет.
Надо веселиться, чтоб прыгая,
доставать головой лампочку света.
И я стою стеной с зеленой полосой на лбу.

Всё я сказал!
Сцена
Все поют: — кругом поля-ля-ля-ля-ля
(за сценой) — поля-поля
Все: — а на лугах
(за сценой) — лугах-лугах
Все хором: — портмонисты-ы-ы
(потом за сценой тонкий одинокий голос) — портмо-
нисты... кругом весна-а-а-а.
(почерк В. П.)
ты вообще тщедушный
и как его понять?
только тщедушный поймет тщедушного
(тщедушный — тощий душой)
(почерк А. Ю.)
за дверью курица кудахчет марш,
касясь пальцами
веревки терпеливой арфы жизни
я слушаю
их робкое дыханье.
(почерк А. Ю.)
мое похмельное лицо
в ажурной рамке
изысканное как пельмени
(почерк В. П.)
— Я иду за стихами —
и если бабка спросит
— А зачем хлеб?
ты скажи
— Для них стихи —
это хлеб.
славянка, сшибающая с ног стоящего на ушах и на
рогах

Сегодня 22 февраля 1972 года

вечером в 11.55 у нас
было первое, второе и третье.
первое — суп гороховый любительский (с конечностями)
второе — две котлеты на пятерых
третье — чай без чая и сахара
(почерк А. Ю.)
когда-то из-за талых сугробов вдруг
послышался похоронный оркестр,
появились обнаженные головы
и пурпурная гробовая крышка
Комков сказал: «На тебе, помер!»
Хотя и не знал, кто помер и зачем.
(почерк В. П.)
Вот касательная — соприкасайся!

* * *

Сквозь железные ребра пустого купола Хотьковской церкви пролетали черные птицы.

Вероятно, воронье. Судя по картавому произношению.

И еще, косо напролет, сквозил снег.

Я наблюдал это черно-белое кино из окна монастырской гостиницы, где темные коридорные проходы и пахнет склепом, из узкой и высокой комнаты-кельи, куда я приехал в В. отлежаться в тишине на полу под окном.

Немосковская тишина обступала меня по утрам, когда В. уходил давать урок.

Сквозь мои ребра тоже свистел ветер, и что-то картавило внутри.

Задыхаясь, весь в поту, я вышел на монастырский двор и за туалетами упал на снежную кучу, обхватив ее руками точно могилу.

Сгребая свежие куски снега, я запихивал его в рот, но под снегом оказался уголь, и он крошил мои зубы.

Кадры, достойные Тарковского, — снег с угольной крошкой, крысы в поленьях дров у каменной стены, колючие вилы из окна сарая.

Под ногами казан с замерзшей водой, где плавал носок, обломки кирпича, старые гири и ржавые решетки.

Все это покрывала пелена просеянного сквозь купол снега.

Мятый инвалид в засаленной до кожи одежде, стоя боком на ступеньках винного магазина, стучит костылем в закрытую дверь.

У него в руке ведро копеек.

Не успев еще подсчитать свою мелочь, я уже выходил из магазина, обнимая бутылку любимого вермута.

Неподалеку, у речки, сбрасывали мусор.

Весь склон усеян непотребными для жизни предметами.

«Тут мое место, это самое то», — думал я, усаживаясь на люк канализации и зубами срывая головку с бутылки.

Медленно, очень медленно, понемногу и прямо в кровь.

Вот мусор — все же он родной и понятный. Колесо от детского велосипеда — и представимы варианты его биографии.

Вот люди через мост идут, как с картин малых голландцев.

Идут в магазин. Они тоже ясны и понятны. Вот я здесь сижу в свалке мусора на канализационном люке — прост и понятен, и поэтому все окружающее молчит, все происходит без слов, фильм немой.

И так все понятно.

Спокойно, как во сне, плавными замедленными движениями я допивал свой розовый вермут.

Как вдруг спиной ощутил тонкую, но сильную волну энергии.

Непостижимая сила направлена в меня и только в меня.

Необыкновенное сожаление и сострадание ко мне, которое выше всяких движений или словесных проявлений, нашло на меня мощным потоком, и я не в силах был повернуться.

Что это? Кто это?

Одним мутным пластом спрессованной свалки мусора промелькнули последние годы моей бродячей и непутевой жизни.

Всё в постоянном ожидании, что кто-то костылем постучит тебе в спину, зажав кистью руки ведро копеек.

Перехватило дыхание, и я с трудом набрал морозного воздуха в легкие и повернулся.

Очень медленно повернул голову в сторону потока и сквозь пелену слез увидел молодую березку.

Она чуть наклонилась над отбросами.

И был поражен — это исходило от нее.

Вокруг была пустота.

* * *

Художник Г. в розовых кальсонах пришивал к брюкам ремешок от часов вместо крючка.

— Бестолковка моя работает за десятерых, да что там — мозги на плечах висят, — сказал он, довольный, потирая ногу в красном шерстяном носке, надетом на черный шерстяной носок.

От верхнего носка плыли волны свежих карасей, от нижнего — изысканный аромат «рокфора».

Было около полуночи.

Художник Г., сняв сначала красные носки, а потом — черные, лег спать.

— Слишком много выпил, ноги опухли, в ботинки не влезают, — сказал он утром.

Как-то он написал:

От ветра глаза закрылись
Ветер винный Я
Я и принес Два солнца
Вначале все было утром
И плюс ко всему когда
Наш день ушел
Траву пивную Вам принес Я
Живой или живот поляной для
одуванчиков Я
Цвет умбристой и легкой кожи
Речкой глядущего глаза Я
В. Г. для В. Н.
в 19 мая 1974

* * *

Средневековая площадь тюремного типа расплющилась у Савеловского вокзала.

Пятеро бородатых, еле двигая руками-ногами и чуть приподымая веки, стояли на ступенях аквариума.

Их глаза с тоской заглядывали внутрь таинственного полумрака, выискивая что-то.

Внутри бродили невнятные звуки, и свет погас.

Бородачи сокрушенно поскребли ногтями стекло, и то сходясь, то расходясь, двинулись мимо полупустых витрин.

Площадь погасла, как после казни.

Казалось, стены домов вот-вот разойдутся, и оттуда появится ужас.

Крик. Или смех?

В мастерской все безмолвно рухнули на пол в подстеленное пальто, прислушиваясь, как у кого-нибудь желудок издавал тоскливый звук.

Тип бороды, при внешнем различии, был один — борода неухоженная и не взлелеянная (та, что тщательно подстригаема), а борода естественная, натуральная.

Просто — вот Божье существо, и у него в определенных Им местах растут волосы так, как они растут.

У мужского племени на подбородке растут тоже.

На розовый от вермута пол скомкано упали серые пятна.

Серебряный пунктир улицы пробил черное окно.

В шуршании проезжающих машин сквозь вату темноты явственно прослушивались негромкие, но многочисленные голоса.

Огромный хор распевал, и прорывалось сквозь шум кусками:

— Возрождение, возрождение...

Почему-то меня пронзило — что же это такое?

И я толкнул Орлова, который был ближе, и сообщил ему, что в Москве переворот.

Невозможно было совместить систему болота со свободным криком-пением.

Казалось, грузовики, забитые возбужденным народом, провозглашавшим возрождение, направлялись к Лобному месту.

Покойный Орлов, смахнув пелену сна, внимательно посмотрел вокруг, потом на меня и тихо ушел.

За ним и остальные пропали в ночь.

Мраморной гармошкой лестницы я свалился в центр улицы.

— Где машины? Где люди-крики?

Мои глаза и уши выросли до невероятных размеров.

Стоя под мигающими своей азбукой мириадами звезд, я чувствовал пульс под черепными швами на темени.

— Я трезв, как стеклышки, но что же это такое?

Энергетические поля резали улицу, кромсали «Книги», «Молоко», «Пельменную» и дальше, где «Колбаса».

Вероятно, мой третий этаж захватили другие поля, и я поднялся в свою опустевшую мастерскую-келью-лабораторию-ночлежку.

Пропитанный водкой, окурок трещал, и дым сизым зигзагом скользил в прорубь окна.

Совсем рядом, на чердаке, усыпанном гравием, под теплой трубой, на которой сушились окурки всех сортов, натянув лацкан пиджака на изможденное лицо свое, отключился от всего мира мой дружок Ворофикин.

А может быть, он у себя в Щёлково, сидя на скомканном солдатском одеяле, наблюдает диагональ падающего голубя.

Закрыв глаза, я попытался отключиться, порвать связь с осточертевшей реальностью.

Внезапно издалека в комнату под самый потолок вошла музыка.

Она плыла широкой лентой по карнизу слева направо, и я ее почти видел.

Целые составы вагонов музыки.

Миллионы и миллиарды оркестрантов растягивали музыкальное поле из непредставляемой глубины пространства, и оно коснулось меня.

Все волны звучаний сливались в трубы органа где-то у Альфа Центавра.

В полной темноте движущимся фризом медленно проплывали сложнейшие музыкальные структуры, как мозаики из космических камней.

Но мера освещенности и слышимости была минимальная, и я воспринимал происходящее, как из-под воды.

Теряя ощущение реальности, я лежал спокойно, во всей одежде, пот и слезы текли по моему лицу.

Голодный, нищий, бродяга, алкоголик — я лежал в тряпье и хламе среди тряпок, измазанных краской и повешенных на стены, также измазанных краской, — и это все, что у меня было.

И я не раскаивался, не отчаивался, не жалел, что так, — я давно потерял представление, что может быть по-иному, как у других, — нет, у меня так, и конец. И слава Богу.

— Всё, — мелькнула мысль, как вспышка спички. — Наверное, я умру. Сейчас. Сию минуту.

Странно, но я был спокоен и готов.

Я не вспомнил ни родителей, ни многочисленных друзей, нищих бродяг-художников, ни ярких подруг.

Только ощутил целиком тот кратковременный миг моей тридцатилетней жизни, долгие годы обучения ремеслу и тщетность всех попыток к этой жизни приспособиться.

Я бился как рыба об лед.

Но я еще не понимал, что такое р ы б а.

И вдруг из всех точек темноты сразу я услышал спокойный Голос, ясный и властный:

— Ты не умрешь.

Остановилось сердце, и я замер.

Волна восторга пронзила тело.

Не открывая рта, я спросил:

— А что же будет со мной?

— Ты счастливый, — дальше невнятно, то ли «мужик», то ли «художник».

Схватив клеенчатую тетрадь, я записал неясный ответ.

— Не мужик, а художник, — поправил Голос.

Я задавал глупые вопросы, ответы записывал, меня поправляли.

С рассветом голоса стали уплывать, и я расслышал женский голос необычайной красоты:

— Узнавай наши отголоски.

* * *

просыпаюсь
темнота
опускаю ноги

иду медленно
держусь за стены
всё на ощупь
дверная ручка
поворачиваю
вхожу
другая комната
дыхание соседа
иду дальше
спотыкаюсь
иду дальше
комната
комната еще
ищу выключатель
долго
не могу найти
поворачиваю
зажигается
СВЕТ

— Вот мой путь в искусстве, — сказал я, но Вольтер меня перебил:

— Но ведь ты зажигаешь свет и садишься на унитаз, и только тогда создается произведение искусства. Ведь все надо пропустить через себя.

— Что такое унитаз? — спросил я у Вольтера.
Вольтер задумался и уснул.

* * *

Ранним утром 26 октября 75 года большой луч протиснулся в щель между серыми стенами, косо разделил комнату и прилип к двери.

Я протер рукавом окно.

Постоянная картина моей экспозиции — те же мутные окна напротив, на них банки с вареньем и огурцами, бутылки.

Тяжелые балконы, сбросив куски, обнажили свой арматурный скелет.

А ниже — барельеф с фигуркой Славы, подающей венки победителю.

Внутренним слухом я уловил стихотворную фразу, потом три-четыре строки необыкновенной простоты и глубины, повторил вслух, чтобы вникнуть и запомнить, но они ушли от меня куда-то вверх и навсегда. Вернее, они медленно уплывали в виде бесконечного ряда цифр.

На стене в солнечном луче висел небольшой портрет. Я его писал тонкими лессировками по рельефному грунту.

Внезапно каждый слой краски пришел в движение своих молекул, всё зыбко, неустойчиво, однородно по существу материи.

Живой, движущийся прямоугольник холста с живым изображением на нем.

Портрет еле заметно менял свое положение, поворот головы, и отдельные части лица пришли в движение, как бы находя свое лучшее место на холсте.

Красочный слой рта на портрете зашевелился цветными молекулами и слегка приоткрылся.

Вся голова, повернутая в три четверти, немного, в полсантиметра, развернулась, и я увидел мастерски законченную вещь, почти совершенство.

Все, что я пытался и не смог найти, было исправлено, уточнено, и каждый миллиметр каждого слоя нашел свое место.

Портрет взглянул на меня уже живым взглядом и беззвучно произнес:

— Для тебя я буду поворачиваться всегда.

Все перевернулось в белом осеннем луче, во мне и за окном, где на карнизе, совсем рядом, чирикали воробьи, и я понимал их.

На улицу, в толпу, в пивную, на Чистые Пруды, но настойчивый внутренний голос останавливал меня:

— В двенадцать быть дома обязательно.

Воздух был нашпигован солнечными иглами, мелкими штрихами секущими комнату. Они выстраивались в длинные плавные линии.

По ним скользили и приближались звуки незнакомых голосов, совершенно явно направляясь ко мне.

Душа забилась в грудной клетке, пол пошатнулся и стал переворачиваться, и совсем ослепший, я нащупал стул и мешком свалился в него, уронив голову на край грязного стола.

Невыразимый стыд заполнил меня, и я охватил голову руками, загораясь от привычного натюрморта — битых стаканов и окурков в рыбьих костях, куски прожженных газет рассыпали свои шрифты в консервную банку с пеплом.

Священная доска стола пропитана многолетними слоями портвейна и вермута, как древними лессировками. Они просвечивали один сквозь другой. Как фрески.

Голоса заполнили комнату, но я не в силах был шевельнуться от стыда и оторвать лба от своего произведения.

Голоса смолкли в ожидании кого-то, и в полной тишине я почувствовал по длинному шраму моего правого колена, где нервные окончания вывернуты наружу, напряжение поля, окружавшего меня облаком.

Я знал, что мои мысли и чувства открыты и ясны для присутствующих.

И в них только одно — стыд.

За образ свой и своей жизни.

Никакого оправдания.

Только уронил голову на стол.

Но ничего в ответ — ни осуждения, ни поучения я не услышал.

Только спустя минуту (или час), когда вся моя жизнь целиком, одним пластом-сгустком мелькнула во мне, со всеми нюансами и деталями, и отстранилась в общий поток, я внутренне, еще бессловесно, осознал начало нового, мне неведомого пути.

Уже потом, направляясь к метро в толпе неизвестных судеб, мимо парикмахерской и телефонов-автоматов, я смотрел сквозь паутину троллейбусных проводов, и меня сверлила одна мысль:

— Как я хотел бы быть другим, заниматься религиозной живописью, писать иконы как молитву, но как я могу — ведь я неверующий.

И я провел две линии.

Вертикально и горизонтально.

Я начал с Креста.

* * *

В немногие дни жизни своей, когда невозможно привыкнуть ни к детству, ни к юности или зрелости, и дни и годы мелькают, точно взмах ресницы, нужна невероятная ясность осознания себя во всем круговороте происходящего.

Свое место и время. Свою цель и задачу.

Конечно, это может быть дано свыше, и то по необходимости и в своей мере.

Я счастлив, что это мне открыто.

Видел я так же, как многие заблуждались.

Видел многих живущих, которые стали мертвыми, не успев ни пожить, ни сделать что-либо из того, что можно оставить после себя, и стыдно не будет.

Видел, как многие уходили с большой дороги на кривые тропинки, и так им казалось легче.

Видел отравившихся дурманом, и сам отравлялся, но Господь помогал выйти (а глаза слабели).

И настало время, когда я стал видеть оком внутренним, чутьем сердца.

Как проводить линию по чистому холсту с закрытыми глазами — и это будет точно.

* * *

Открылось окно.

Из распахнутых ставен дома хлынул поток солнечного света.

Многочисленные пылинки висели и плавали в воздухе.

У них была своя жизнь.

Это была просто пыль, взвешенная в пространстве, и мне казалось, что мое зрение увеличилось.

Я следил за их движением, за их космосом.

Трудно представить, что бы было, если так же открылось сердце.

* * *

Раскаленная каменная крупа.

Ноги обжигает берег Нового Афона.

К морю ржавая лестница.

Ресторан под шатром-чинаром, за баром пруды с утятами.

Дальше, в тени, каменный розовый дом общественного туалета, где вечером шуршат стаи крыс.

Россыпь камней обкатана волной в отбеленные черепки.

Движущимся ожерельем они охватывают выпуклую поверхность сизой воды.

Зелено-фиолетовая в глубине, она как вино.

На брошенной ромбом тряпке, вытянув бронзовые ноги, на черепках сидела изящная женщина с повязанной по-восточному головой.

Временами, отрывая взгляд от книги, она вскидывала голову к горизонту.

Горизонт пуст, ни паруса, ни лодки, одна лиловая кривая линия.

Видно, в этот момент она рассматривала нечто внутри себя.

Рядом мелькали панамы двух малышей трех-четырёх лет. Они собирали что-то в камнях. Тихо рассказывали друг другу только им понятные истории, возможно, из их предыдущей или будущей жизни.

Насладившись этой картиной маслом, хотя хотелось крикнуть, махнуть рукой, я ушел в тень.

Раскурив трубку «Золотого руна» и выпив глоток вина, я мучительно пытался найти ответ на еще не заданный вопрос.

— Неужели я здесь затем, чтоб в черном ущелье сидеть на валуне и, опустив ноги в прозрачную воду, заворачивать в лаваш козий сыр с мятной травой?

Что-то повернуло мою голову в сторону правильного треугольника горы Иверской. На ее вершине красовалась капля источника.

Когда-то с энергичным рыжим Сергеем, обмотавшим Богородичный поясok под одеждой, мы поднимали отшельникам крупу и селедку на безымянную гору неподалеку отсюда.

Тогда еще Сергей потерял этот поясok на крутом подъеме и отказался остаться на горе.

Падающая со склона ледяная вода отрезвляла из городского полусна.

Тропинка шириной со ступню прижимала к камням, подальше от сизого пространства, в котором блестела нитка реки.

Наш проводник Серафим, легкий как птица, скакал по воздуху между скал, доставал из потайных мест канаты, по которым мы муравьями переползали опасные места.

Какой же невидимый тоннель выстроен, чтобы со дна огромного бурлящего города прямым ходом через тысячи километров на юг и вверх, на кончик мизинца неприступной горы, где только и поместилась отшельническая келья, а сортир уже висит над пропастью!

Сквозь закрытые глаза ранним утром я видел золотой воздух кельи, ее стены из каштана, слышал пение с вершины Иверии.

Вся суета роем жужжащих где-то далеко.

Как из трухлявого кокона вылез я через этот тоннель в новое состояние.

Поднять веки я был не в силах, ведь так, с закрытыми глазами, я видел все, а главное, ту атмосферу, тот воздух, на котором держится весь рисунок происходящего.

Молодой и красивый монах Василий, лет двадцать назад бежавший от своих киевских родителей из крымского курорта на гору, показывал мне в тени огромного каштана свою слегка прописанную икону на доске кипариса.

Нигде он этому не учился и толком ничего не знал, но было ясно, что так можно писать, только если ты в затворе или на горе, и за твоим плечом стоит Ангел.

Хотелось сейчас же, без слов, выдолбить ствол сухого дерева в три обхвата и там устроиться на всю оставшуюся жизнь.

Навсегда.

Так когда-то было в Армении, близ Гарни. Облюбовав труднодоступную дыру-пещеру, хотелось бросить туда пучок соломы, старую шкуру, пахнущую травой и молоком, книгу и свои кости, пропитанные спиртом.

Сейчас Иверский треугольник притягивал, как магнит ржавую стружку.

Я его ощущал затылком.

По закону притяжения горы внутренняя стрелка моего компаса в грудной клетке нервно задержалась и направила острие на каплю вершины треугольника.

Там, где непостижимым образом бил источник.

К вечеру что-то необъяснимое созрело внутри, неистребимая тяга подняться на гору, и именно сейчас.

Внутри меня уже болталось достаточное количество виноградной водки, день близился к ночи, жара спустилась в грозовые тучи, а в мозгу сидело неколебимое решение — идти и сразу.

Для видимой причины я засунул трехлитровую банку в пакет — набрать воды на вершине, хотя ясно осознавал, что не донесу.

Бутылка сухого вина жала бедро холодом стекла, коробка спичек отбивала ритм шагов, припадающих на разбитое колено.

Я пришел к подножию горы, когда стемнело совсем, хоть глаз выколи, но слепая решимость втянула меня в серпантин дороги.

Только на поворотах, когда я их предчувствовал, приходилось чиркать спичкой.

И становилось страшно.

Высвечивался край обрыва, и что-то обрывалось у меня внутри и падало.

Я благодарил Бога, что чиркнул спичкой не на следующем шагу.

Вернее — уже бы не чиркнул.

По-слепому протянув руки, высоко и медленно шагая в полнейшей темноте, я ориентировался только на внутреннее зрение.

Но шел я верно и спокойно, повторяя в полный голос короткую молитву, и спотыкался сразу, как только переставал повторять.

Это урок жизни (думал я), и эта дорога, дорога жизни, и моя темнота, и вино в кармане, и беспомощно разведенные руки, и камни на пути, и просьба о Помощи.

Каждый шаг был смертельно опасным, и я помнил, что при прошлом подъеме, но днем, видал в камнях вздувшееся коровье тело копытами вверх.

Я продвигался с закрытыми, слепыми глазами (как и вообще в жизни) и только светящийся пунктир на роговой оболочке глаза указывал путь.

Дождевые иглы стали прокалывать мое тело, когда я уже по каменным ступеням поднимался к руинам алтаря.

Под чудом сохранившимся куском свода мерцали иконки, цветы, свечи.

Мощнейший грозовой разряд разорвал путь водяным потоком точно тогда, когда я в изнеможении рухнул на колени в той таинственной и единственной точке на самой вершине треугольника, к которой так стремился.

Временами молнии вырывали из темноты мою жалкую согнутую фигуру, и вода стеклом стояла вокруг меня.

Своим отрывистым заплетающимся языком, а больше молча, я выговорил всё, одним сгустком ощущая прожитые годы: ведь только для этого я и поднимался сюда, и только слабенький язычок лампы еле-еле колыхался мне в ответ.

Гроза кончилась внезапно, как и началась, и я, весь мокрый, поднялся с колен, сел в боковую нишу стены и распечатал бутылку — это был уже праздник.

Маленькими глотками цедя виноградное вино, я наблюдал, как все вокруг светлеет, — и у меня внутри тоже.

Куски неба засветились и, набрав длинным черпаком воды из источника, я медленно отправился в обратный путь.

Но, как оказалось, до первого поворота.

Что-то подбросило мне под ноги камень, и я рухнул под звон стекла.

С правой брови потекло в уголок глаза и в ухо.
И больше ничего.

Всё удачно. Ведь я знал, что воду я не донесу.

Дождусь солнца, решил я, засунув голову в куртку,
как в мешок, и затягивая змейку-молнию.

Удобно засев в камнях, я отключился.

С восходящим солнцем, спускаясь по витиеватой до-
роге и раскурив мятую сигарету, я поглядывал на беспор-
ядочное скопление крыш внизу.

Под каждой крышей свое тепло и своя судьба.

Во дворе дома Варвары Карапетовны, заваленном меш-
ками с лавровым листом, с мелькающими пятнами поро-
дистых щенков, я опустил лицо под толстую струю хо-
лодной воды.

Смыл ржавую корку с глаза и бороды и увидел рядом
с умывальником флакон тройного одеколона, совсем пол-
ный.

Тут же валялась редиска, и я, огибая щенков, зашел
в туалет, отвернул пластмассовую головку флакона и, по-
чувствовав острую боль всех зубов, запрокинул голову
к узкому оконцу под потолком, в которое виден склон го-
ры со знакомыми зигзагами.

* * *

Стих, восхваляющий красоту линий ног Мэрилин
Монро

13 июля 1980 года
розовый танк сблевался
в линиях пуха
листья ржавели
запели хаки
окунули окорок
около
порхающий мотылек движенья

а водки дадите?
какие у тебя ноги
Мэрилин! (Ах!)
постой
погоди
какие руки!
и грудь точно опрыскиватель
заскрипела дверь юго-запада
как протез
орнаментальная Монро
P. S. где твои линии? а?
где коммунальная походка?
где? где ты?
где счетчик?

* * *

Кто-то лежал на полу, розовом от вермута, в позе истребителя вертикального взлета.

Кто-то писал маслом по платяному шкафу и зеркалу, перемешивая масло с хвостами кильки.

Всё как обычно.

Странным показался взгляд Зурата Шо. Он смотрел не в окно, а на окно.

Когда появилась улыбка на его грустном лице, его связали и положили на кровать.

По смуглой щеке ползла густая слеза.

Вот что сказал тогда Зурат Шо со связанными руками и ногами:

да может быть такой вариант

я понял

но мои друзья

связали мои руки и ноги

в честь того чтобы спасти

мою душу

и когда мне будет плохо
будьте со мной рядом
почувствуйте меня сегодня
мне очень плохо
связаны руки и ноги
это всё что я говорю
но теперь мне плохо
выпрыгнуть из окна
это легче
это прекрасно и пошло
ради этого они и живут
одни умирают
другие рождаются
да мир такой грустный
даже друзья если они тебя любят
они не говорят правду в глаза
но есть другое
жизнь это жизнь мать учения
да я знаю
что через несколько минут
откроют мои руки и ноги
но я со своим горем
останусь

Прошло время, и он написал мне.

Я думаю, так я летел. Останешься самим собой, то ты чувствуешь всю суть бытия, но все равно, когда ты остаешься самим собой, ты чувствуешь свое ничтожество перед самим собой.

Это так же, как перед Богом.

Тогда ты познаешь все, что тебе дано.

Если ты родился художеством в этом мире, — прекрасно.

Жди, как начала, Христа.

Так как Его распяли сначала,

а потом приняли веру.
Здравствуй, Володя!
Пишет тебе Зиёрат Шо.
Володя, как твое самочувствие, состояние в тысячах
ракурсах?

У меня все нормально по-прежнему.
Я все такой же.
Живу во взрывах души.
Тяжело, но красиво в брызгах души.
Большой привет тебе от Татьяны Михайловны.
Передай от меня большой привет нашим друзьям.
Я написал стих и посвящаю его тебе.

СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ

Слышу звон тысячелетних древностей
сквозь туманы прозрачных эпох, времен
слушай повесть лучезарный дух
раскрываемся на ладони очередной
душа взоры ласкает раскаленных
их своды небесных поток жужжание
краем уха чувствует смертельных ран
светом радуги освещенных в небытие
и звуки флейты звучащие радугой
в корне кровь изживает раненых жил тугой
улыбка сияет в радостных душах скорбящих
луч, луч, луч, лучезарный дух — восход
и мелодия звучащая в небесах
доносилась до моей раненой души
и раскаленный солнцем песок
раскололся в двух мирах
и мираж превратился в действительность
и действительность превратилась в мираж
таков закон таков удел миров
миров миров миров миров

Афон.

Там был день. Много дней.

И было утро... Тогда взлетел...

А спускаться как, куда и зачем?

Хоть на колени опуститься.

Трудно. Ступени ступенятся.

А перед ними вода... Октопусы.

Дальний гудок парохода, а в ответ звон колокольный.

— А какое у тебя ощущение реальности сегодня? — спросил помощник Ярослав.

Вид сверху. Площадь перед храмом.

— А ящичек с лекарствами надо бы полегче, полегче, — произнесла шляпа в костюме перед мозаикой.

— И еще одежда, как крыши.

— А мы крыши перекрасим, — ответил Ярослав и удивленно посмотрел на меня.

Я пил квас на лесах у самого Лика.

Был день жаркий. Маслины в кармане черными костями. Ржавый гвоздь и цветные камни.

Рядом колокол шатается.

За ним море.

Монахи на лесах поют и золотом фон укладывают.

Я с комком в горле, без дыхания, стоя на гнилом ящичке, лик Богородичный прямым набором и пелена перед глазами.

Вслепую и на ощупь при ярком свете.

И это после всего...

Вот стены удивились монастырские.

Из келий вышли старики. Выползли некоторые.

Ладонь к глазам рассмотреть меж кипарисами золотой треугольник.

Камни слоистые вокруг — и вдруг цветное зерно.
И ясно, что Покровом мерцает.
Раннее, раннее утро.
Мальчик в черном несет воду и входит в дверь.
Она тихо распахивается, за ней свет.
Слышны падающие капли на камни.
Туман в молчании. Тихое пение.
Гвоздь на голой стене кельи.
Сухая рука согнулась в локте и потянулась к крану.
В пепле камня резьба — 1864 года.
Раздался гул, и струя толщиной с кулак вылетела из
бронзы и окатила тело.
По каменному стоку стекла в море.

* * *

(30 марта 85 г.)
Смерть Шагала
экстренная связь с художником
1. нажмите (смерть)
2. говорите (со смертью)
двое в небе
петух со скрипкой
(корова заложена в корову)
осторожно — Шагал
(Шагал заложен в Шагал)
осторожно
двери закрываются
наклей марку
Шагалу
букет к забору
инвалидам
уступайте места
женщинам и людям

следующая станция
парижевитебская
не прислоняться
не высовываться

* * *

Незнакомое улыбающееся лицо, губа навыворот, высокий лоб в кудрявых перьях выплывает из дыма курительной комнаты.

Бросается с радостью:

— Я так и знал, что ты придешь! Я все время ждал тебя, мой братик из Краснодара!

В распахнутой груди среди буйной растительности клокотало счастье.

После того как я зафиксировал его облик в альбоме, он оставил мне «секретную» запись.

На штанах его стоял штамп психбольницы ПБ № 4. Как и у всех. Фиолетовый.

Запись — «Как поднять труп».

Изложение

I. Отключаем элементарную машину от психиатрии (головы) и нагнетаем кровь в невропатологию туловища. (матрос Кошка по детскому диафильму)

Главная часть

II. Отключаем элементарную машину от туловища невропатологии (Доноры).

III. Выключаем элементарную машину и нагнетаем кровообращение мозга (психиатрии).

IV. Выключаем кровообращение мозга (психиатрии — головы)

Заключение

V. Выключаем элементарную машину от психиатрии (головы) и невропатологии туловища.

Труп поднят!!!

С праздником поздравляю милого братика с Краснодара Вовочку дяди Шашиного и тети Жениного.

Папа — еврей был, полковник, окончил, где не знаю, но у нас говорили Академию Военную, Пищевой факультет, а мама была простой регистраторшей в гостинице, где дядя Саша потерял ногу и жил с протезом всю свою жизнь (без ноги жил).

Мы были у вас в Краснодаре в 1961 году — я дядя Володя (Иосиф Яковлевич Пятигорский) и Роза Менделевна Тильман (Пятигорская) и я — Борис Евсеевич Тильман и Ида Яковлевна с Михаилом Евсеевичем Тильманым (нашел третьего братика).

У тебя жена Лора — лапочка в Краснодаре.

Целую ее взасос.

Яков Иосифович Пятигорский.

* * *

Звонок в дверь.

— Кто там?

— Хлеб, хлеб, повидла пришла!

Появляется Таня Ф. после репетиции.

Приглашает на премьеру в ЦДЛ.

Показывает, как все это будет и где хлопать надо.

Где хлопать надо:

1 акт — весь хлопать;

2 акт — в сцене свадьбы (когда запоют БОМ-БОМ — ДОЛГИЕ ЛЕТА);

3 акт — когда два круга завертелись и Таня закричит — У-У-У-У-У — захлопать;

4 акт — финал — тоже захопаю;

(когда все поклонятся и Таня не закричит У-У-У-У-У — я буду хлопать).

* * *

Песнь Энди Уорхоллу
(уйди Энди)
уродливый Уорхол (сверху чехол)
прекрасен (точно опасен)
до боли
в тазобедренном суставе
довинчивает да Винчи
(в цементном составе)
не надо
уйди
уйди Энди
позже
зайди
или
уйди-не-заходи
или
не уходи
совсем
не надо
в тираж

* * *

Крутизной улицы, мимо синагоги, я свалился в Солянку. В магазин винный. Зима. Переполнено. Набор типичных физиономий. Знаковых. Тусуются, как в колоде. Но в своем районе своя колода, свои типы.

Изящно одетая молодая женщина тонкой рукой в перчатке подхватила бутылку «Столичной», медленно повернулась и так же медленно, как в дар, протянула водку.

Человек с седенькой бородкой молча поклонился ей и, элегантно поцеловав руку, опустил бутылку в карман пальто.

Жужжание толпы на миг расступилось.

Я упаковал три фугаса вермута в авоську. Толкнул друга Пашу:

— Смотри — борода.

В этой колоде только мы трое были при бороде, и непонятная сила подтолкнула меня к незнакомцу:

— Художник?

— В своем роде, — и из-под очков умные серые глаза.

Лифт кряхтя и нехотя поднимает нас в черный коридор, я автоматически вставляю длинный стержень ключа в гнездо.

Поворачиваю медную подкову дверной ручки и включаю свет.

Все холсты, увешанные вплотную в три ряда, вспыхнули цветом и приобрели движение.

Только спокойно стояла в углу и пульсировала своим светом икона Тихвинской Богородицы.

В несколько минут мы изменили ход событий, и друг Паша, проговорив бессвязные тирады кому-то под потолок, вытянув бороду вверх, как оружие, прилег отдохнуть.

— Кто тебе покупал водку? — тогда спросил я у Георгия, распечатывая пачку флотского табаку.

— Моя дочь. Всегда, когда у меня начинается, я переодеваюсь в простую одежду, снимаю дорогие часы и оставляю все ценное, и она мне покупает первую бутылку.

Мне понравился его налаженный семейный быт. Как хорошо, как все красиво, думал я, ведь у меня ни семьи, ни быта, ни работы, ни родственников.

Вообще непонятно, как и на что я живу.

Глубокой ночью выйдешь на Маросейку к магазину, где разгружают машины с продуктами, потаскаешь ящики, и нальют тебе потом в подсобке стакан водки и тарелку похлебки из свиных хвостов.

— Как ты так живешь, совсем без статуса? — удивился Георгий.

Типичный вопрос для сына генерала КГБ.

Кем он и оказался.

— А так и живу, после статуса, — и я рассказал ему историю про худсовет и художника, изображавшего «Отдых на реке». Солнце, река, брызги, из воды руки, ноги, головы.

— А где же пафос? — спросил совет.

— А они отдыхают после пафоса, — ответил художник.

— Хочешь, я тебя женю на своей дочери, она работает рядом, в нефтяном министерстве, — уже пошел пятнами Георгий.

— Да кому я нужен.

И по минутному молчанию я понял, что это так.

Вся минута шестьдесят раз отстучала в висках — никому, никому, никому...

Не спеша, процедив сквозь зубы вермут с запахами корешков, виноградных косточек и сгоревшего солнца, я раскуривал крупные лохмотья табака.

— Как хорошо, ни семьи, ни быта, и ты никому не нужен, никому. И — никакого статуса.

О том же, вероятно, думал с загадочной улыбкой и Георгий.

Ведь от всего такого он и вырвался сюда.

Правда, с сознанием, что у него есть тылы.

Потом, вернувшись через какое-то время, его будут кормить с ложечки и подстригать его бороду.

И он переоденется для другой жизни — по своему статусу.

— Володя, Христа ради, дай выпить, — стонал он ночью, и я извлекал из тряпья бутылку, оставленную на экстренный случай («аптечка», говорил Паша), и наливал стопку в белом ледяном свете.

Все успокаивалось еще на пару часов.

Паша, лежа на полу, раскуривая окурочек, освещал таз в центре комнаты, к которому изредка кто-нибудь подползал.

Но вот он засыпает, и пальцы его разжимаются.

Огонь падает в ватный матрац.

Клубы тяжелого и вонючего дыма заполняют комнату, висят на холстах.

— Горим! — разрежало воздух.

Моментально отрезвев, я выливаю чайник холодной воды в спящего Пашу, но вата продолжает дымиться.

Свернув матрац валиком, я отношу его на черный ход и сбрасываю с лестницы.

Все пространство ломается, Паша спит рядом на топчане, в ногах у нас икона.

Он что-то выкрикивает и двигает воздух своими рабочими ботинками.

Какой-то бес боролся с ним.

Я не обращал внимания.

Ну, выпил человек и бесится. Бог с ним. Лишь бы заснуть.

Но бес подбил Пашин заклепанный ботинок прямо под угол иконы Богородицы Тихвинской.

Совершенно непостижимым образом я, вырвавшись из сна, успел согнуться и подхватить падающую икону.

Огонек лампы сверкнул зигзагом и разбился в осколки.

Массу холстов, картонов и рисунков было сделано здесь, а за спиной стояла Тихвинская Богородица.

Прошло время, и я, завернув икону в одеяло, почему-то отвез ее к Ирише.

Внутренний голос мне подсказал это.

Я не мог представить, что завтра мою комнату разрушат, разграбят и засыпят мусором.

* * *

Так, кистью руки в холодной воде, нащупывают камни, на которые можно опереться.

Наверстывать здесь то, что уже исполнилось там.

Нельзя мешать развиваться ходу событий.

Так думал я и старался все делать.

Исполнять предписанное.

Действовать и двигаться по заранее распределенному графику.

Требовалось только отдаться течению потока.

Быть кистью в Руке.

* * *

Сидя на ступенях, ведущих в сад, я курил трубку и следил за мягкими движениями листьев ореха, недавно мной посаженного.

Очертания таяли. Все становилось общим, зеленым пятном. Потом мутным.

Пелена стояла перед глазами, и я думал, что это подарок.

Я дожил до этого.

Только что подошел высокий сероглазый юноша, заглянул в мои серые осколки и нежным красивым голосом легко бросил фразу: «Папа, у тебя деньги есть?».

У меня петлей перехватило дыхание, и я готов был стечь по ступеням в сад под орех.

Конечно, это подарок.

Во-первых — потому что подошел сын.

Во-вторых — что сказал «папа». И в-третьих, что спросил денег.

И это после всего.

* * *

Как-то в студенческой пивной около Строгановки
Павел развернул телеграмму.

У него родился сын и как его назвать.

Спрашивала девушка, которой он читал стихи в Нижнем.

Ее он не помнил. Помнил стихи:

«...И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом...»

Мы смеялись в пиво, и баранки лопались.

Дело было в апреле, и все решили, что розыгрыш.

Я предложил послать ответ:

«Поздравляю, назови Эдуардом».

Прошло время, и в дверях мастерской Павла возникла черноволосая женщина, совсем незнакомая, и мило улыбалась.

За руку ее держал мальчик, точная копия Павла, уменьшенная.

— Это Эдуард, — прошептала женщина.

— Шары на лоб и сполз с дивана, — вспоминал потом Павел и с карандашом и бумагой доказывал, что это невозможно.

Потом копия выросла до оригинала.

Улучшенного. А математика здесь не при чем. И Павел смирился.

Уже к концу жизни у него появилась своя комната, «точка приземления».

Полулежа на перевернутом шкафу в кальсонах и валенках, он, разметав куски бороды по белому свитеру и держа в меховых перчатках пустую бутылку, хрипел басом: «Эдик, достань деньги и смотай за выпивкой, это тебе говорю я — Павел-Выстрел, абстракционист с 59 года».

* * *

Моя мастерская обладала главным достоинством того времени — я мог запереться изнутри от окружающего мира.

Повалиться на матрац у батарее.

По длинному шнуру ползла электрическая капля пустой лампочки.

От ее гипноза я засыпал.

Очнувшись, рассматривать потолок.

Варианты и варианты плафонов проплывали над мной. Разные стили, композиции и темы.

Но ни один из них не остановился.

Вот муха пролетает и на меня садится задумчиво.

Неужели я уже покойник?

Нет — это моя муха, моего пустого дома, она знакома со мной, греется от меня и питается моими крохами.

Маленький живой организм с идеей полета и большими глазами.

Чем не друг?

* * *

— Наверное, сегодня подохну, — говорил себе Павел, — нет ни денег, ни какой-нибудь идеи, а главное — нет натиска.

В глубоких складках кожаного кресла утонул он, и руки его дрожат.

Белой пирамидкой поваренная соль на обрывке желтой газеты среди пустого стола, а он рядом, как сфинкс. Задумчивый.

Выхожу на мерзлый огород за обглоданными кустами боярышника, медленно иду к деревянной будке-сортиру, в разные стороны разбегаются куры.

Старая сумка в мусоре. Встряхиваю — ручки есть.

По сантиметру, боком двигаюсь к ближайшей курице.

Она поглядывает боком. Настолько же и отходит.

Начинаю гнать ее в угол, за куст сирени.

Я за одну сторону куста, курица столько же — за другую.

Она что-то чувствует и потихоньку себя успокаивает:
ко-ко-ко-ко...

Понимаю, надо брать ее рывком.

На секунду застыл. Резким движением бросаю сумку за куст. Вправо.

Сам прыгаю влево и, как вратарь, берущий пенальти, ловлю ее.

Куриный крик уже тонет в сумке, когда я аккуратно перевязываю ей лапки.

И среди перьев, плавающих в воздухе, иду со двора.

Через час я поставлю на стол рядом с солью бутылку водки, пачку сигарет «Прима» и буханку ржаного.

* * *

Потом как-то пришло письмо из Нижнего Новгорода.

«Смотрю в грустное окно, Володя, не хватает тебя. Я вроде присутствую на работе, хотя ты прекрасно это знаешь, что я работаю каждую долю секунды. В общем-то, падаю. Но еще не упал.

Сiju небритый. Соловей так запузывает, и откуда он взялся? И не только по ночам, иногда днем. Иногда доходит до экстаза. Дирижер своего оркестра, чего хочешь.

И еще представляешь ночной гул большого города, и квакают лягушки. Совершенно непонятно, где они живут, там ведь нефть. Причем везде. Раньше там не было дороги. Была большая свалка большого города, примерно такая же, как та, где сдох этот парень из кинофильма “Пепел и алмаз”.

Володя, кажется, я скоро буду рисовать, дошел до какого-то, пожалуй, предела. Сейчас закурил, вернее, торчит в зубах, сейчас прикурю.

Ты знаешь — стало лучше.

Как будто совсем рядом, то есть уцепившись друг за друга спим в Царицыно. Помнишь, хотели рыбу ловить два монументалиста?

И еще ты сделал рисунок и написал — “ЭТО ТЫ”.

Помнишь, как нам приносил завтрак Который Прямо В Центр?

Он хороший парень. Интересно, чего он с воском делает сейчас.

А помнишь, какая там была холодрыга?

Эх, Тимофей Владимирович и Дымный Туманный Понедельник!

Сейчас прямо вижу, как ты ловил курицу.

Ярмарочный художник не получился.

Правда, что-то понял. Оказывается, я плохой. Правда, где-то еще теплится что-то, искорка.

Пива до смерти хочется, окно напротив (почти) пивной, базар в общем, им, конечно, хоть бы что, а я сижу и жду.

Должны вызвать к генеральному директору за плохое поведение в обществе. Стыдоба.

Отличный мужик он (без левой руки).

Он, как я понял, не прощает ошибок на себе, никому.

В данном случае он ошибся, и мне просто плохо. Он на меня надеялся.

Почему-то вспомнил из “Белого солнца пустыни” — девять граммов в сердце — постой, погоди, не везет мне в смерти, повезет в любви.

Как бы хотелось сейчас с тобой хряпнуть по кружке пива и пощуриться на облака.

Если бы ты знал, как все хочется бросить и рисовать до посинения.

Иногда открываются такие врата, что видишь себя со спины.

Павел».

* * *

5.XI.70

«Здравствуй, Володя!

Пишу тебе (сейчас) с одной надобностью. Дело в том, что я должен увериться в том, что ты (получаешь) мои письма, — поскольку хотел бы сообщить (тебе) кое-что... и, соответственно, получить (от тебя) ответ.

После этого я напишу тебе, — что именно я хотел тебе сообщить, — и что именно я хотел бы иметь в виду в качестве твоего ответа.

Поэтому я прошу тебя ответить (просто откликнуться) на это организационное письмецо с тем, чтобы я мог написать тебе письмо содержательное, — т.е. — деловое — излагающее то, что требует незамедлительного ответа (во всяком случае — достаточно скорого) — поскольку для меня заблаговременность (получения этого ответа) представляет крайне существенное значение.

Я имею в виду организационное значение, — а поскольку, — и всякое другое — смыкаются (в данном случае) именно с этим — то, следовательно, — и это — вмещает в себя и всякое другое (всеобщее абсолютное для меня) значение.

Вот я и прошу тебя ответить (сразу же по прочтении) — на это письмо.

А через ответ — сообщить мне — насколько я (сейчас) могу рассчитывать на твое (почтовое) внимание ко мне.

Впрочем — это прежде всего — будет видно и из быстроты (получения) твоего ответа мною!

А — в нем — ты сообщи, пожалуйста, — сколь скоро ты можешь ответить на мое деловое письмо!

Я, само собою, не замедлю тот час же ответить на твое ответно-гарантийное (в смысле твоего внимания — и его возможностей... — и в смысле твоей реакции, — под которой я, опять же — имею в виду желательную быстроту — твоего ответа по существу — (на само мое деловое письмо) письмо, — из которого я хотел бы понять — насколько ты готов и склонен меня выслушать, с какой готовностью ответить мне, — насколько благоприятно, — и, само собою разумеется, совершенно сообразуясь с этим твоим (ответным) письмом, с его содержанием!

Этим моим письмом и будет мое деловое письмо, о котором я здесь тебя предупредил.

Вот и всё.

Надеюсь на равноценный (и адекватный) отклик.

Но пока всё. Надеюсь, тебя не покорило и не шокировало мое первое, достаточно веселое письмо? Пиши мне (тоже).

Пиши Володя обо всем.

Саша»

* * *

мотоцикл

с плечом магазинных бутылок

с моментами встреч без поисков

действительно порожний

наливая его
помнишь развитость стекла и раковин
и все умолкают
при мокром носе собак
это грязный мох
событий наших дней
юродивый электрического века —
моя совесть
в лохмотьях надежд

* * *

Вот прошел еще один день моей жизни.
И слезы на глазах. Сегодня 11 января.
Посылку в Одессу не успел отправить.
Ириш в раздрыгге. Уснул с таблеткой в 3 часа.
Утром, чтоб заснуть, еще четверть таблетки.
Потом утренний разнобой — посылка мозаики Марии-Луизе — не получилось.

Ушел. Взял восемь банок. Одну выпил в больничном саду. Снег. Мороз шесть градусов.

Пришел домой, Дашенька отправилась в церковную школу, оставила записку.

Я еще взял три банки — и в парк (на свое место, а сначала детская площадка у церкви). Около трех домой (с банкой в кармане). В 4–30 Настя забрала Иришу в церковь на службу.

Сейчас у Ильи подружка. Зима. Холодно. Еще один день к концу.

По Лескову — теплую ванну, пилюлю, рюмку рому, свежую чистую одежду и хороший табак — все, что надо для одного маленького момента, — чувствовать себя человеком.

Встал под душ. Телевизор в подвале.

Воскресенье — 12 января. Проснулся в полвторого дня (после таблетки).

Остальные три банки — не тронул.

Решил прогуляться по морозцу.

На озере лед, все катаются — Брейгель.

На автозаправке взял мерзавчик коньяку. Медленно, с перерывами и прогулкой за три раза принял как лекарство и успокоился.

Поляк сидит на пятачке, вдрызг пьян, но в карнавальной шляпе с перьями.

Сели обедать. Пришел Ильич с рассказом о Врубеле. Тут что-то подкатило.

Выпил, взял банку в карман — и в кабинет. Появился аппетит.

Ириш работает в подвале. Я, найдя пятерку, на ту же заправку. Взял двести, отпил у парка, вернулся и «для аптечки» взял еще сто. На всё.

У телевизора спокойно дотянул большой флакон. Маленький остался. Только еще банку перед сном.

На следующий день вышел, купил доску для мозаики (80x60).

15 января расчертил ее и выложил крыло серафима.

Воскресенье — 19 января — закончил серафима — все шесть крыльев.

Умер Якоб Бар-Гера.

* * *

таня (икая)

— как тебе розы?

вова (икая)

— они мне нравятся

мама (икая)

— а кто выбирал?

папа (икая)
— а с чьей помощью?
(вытирая влажной рукой
влажные губы марта)

* * *

Здравствуй, Володя! С приветом тебя!

Со всяким-таким положительным... — конечно же (коммунистическим и т.д.) — и, разумеется, — не с сумасшедшим!

Хотя признаться, — с моей точки зрения — это было бы закономерно, ввиду моего внешнего *modus vivendi* — или образа жизни, — как говорят латиняне.

Вступление многозначительное.

— Как я живу сейчас? Да (можно) сказать (без преувеличений) — почти совсем не живу. Нелепость данного моего существования — это этическая подавленность. Угнетает (всё) что составляет (человеческую) Жизнь — мысль, радость, чувства, побуждение к творческой работе. Так что я сейчас в глубокой депрессии, — и, по существу, — не делаю ценного ничего. Это ты, конечно, не в пример мне.

И даже признаться, и писать о себе — нет никакой охоты. Но уж коль ты просишь, — я постараюсь мобилизовать содержательность моей натуры — елико она у меня имеется.

Твой Александр Афанасьев мне нравится. Сам по себе. Работу я увижу.

Это точно. Но, — а что касается эскиза и впечатления от него, — то они приятны. Сам я недавно занимался — только в (сугубо) научном плане (Леонард, — да и только), а теперь, — иногда — кое-где и кое-как порисовываю. Правда — все это мелочи.

По сравнению с твоим размахом!

Зарисовки вот этим самым пером (которым я пишу) — или клеточкой — маленькие экспромтики a la em-proviset.

Более — не менее — оригинально. Пикантно — вернее. Например — последнее — зарисовал полушутливую серию: «Жесты вождей»: наиболее характерные и колоритные — типические — жесты, замашки и позы — наиболее известных лидеров мира. Это серия (графическая) из движений двенадцати апостолов.

Сталин (левая рука вдоль лампас, правая — за бортом кителя, взгляд назидателен и тяжеловат).

Наполеон (в треуголке и в плаще-накидке, несколько актерская поза, традиционно-сакраментальное скрещение рук на груди — «кренделем».

Ленин (озабоченно-глубокомысленное лицо; ходит, резко заложены за спину руки).

Свердлов — милейший Яков Михайлыч — с правой рукой в кармане тужурки; левая за спиной, идет прямо на зрителя и вопрошающе-задумчиво смотрит вперед.

Кромвель (молодецкая поза вояки и шпажиста; оперся правой на что-то — и левой картинно подбоченился в государственно-мудром раздумье).

Робеспьер (выпячена грудь и жабо, руки резко закинута за спину, фанатично устремленный вдаль взор, и стремительный профиль).

Геринг (балаганно-самодовольно-спектакольная улыбка, стилизованно-тевтонская каска-шлем на большой голове; руки — картинно сложены на толстом пузе).

Гесс (худой сатана в форме штурмовика — в сапогах; руки экстаично сложены над головой — в приветственно-символическом соединении ладоней крест-накрест) — энергетически-щедрая митинговая улыбка во все зубы, голова запрокинута).

Гейдрих (осанка Дон-Кихота, руки в кожаных перчатках — левая полусогнутая — по-рыцарски поддерживает и несет фуражку на сгибе локтя! — правая вскинута и приподнята над плечом в небрежно-покровительственном приветствии; голова слегка повернута и многозначительное выражение лица).

Бисмарк (матерый вояка, в правой руке — трубка, левая уперлась в бок... — особое суровое кокетство понюхавшего порошу великого предводительствующего солдафона; прищуренно-умудренный взор, устремленный вперед из под косматых бровей)

Ришелье (в кардинальской мантии и шапочке, гофрированный воротник, глубокомысленно ухватившись правой рукой — в матерчатой перчатке — за нижнюю часть лица — подбородок; левая, тоже в черной перчатке, покоится на сгибе локтя руки, которую свободно облегает кардинальский рукав: правая нога приподнята — по-видимому, на низкую скамеечку для ног; взор мрачен, наполнен мистики и в задумчивости своей не предвещает ничего приятного).

Гитлер (в обычной партийной форме: полевые армейские сапоги, суконные брюки — мятые галифе, эффектно обвисающие и справленные в сапоги, рубашка в складку и при галстукке; оба кулака сомкнуты притиснувшись к груди, напряженно подался вперед весь корпус с широкой талией, подпоясанной широким армейским поясом; пятки ног сомкнуты — обнажена голова вскинута, шея вытянута — и широко открытым ртом что-то громко кричит, орет, орет — в толпу, публике или своим партийным товарищам).

Вот и всё. Поскольку я жестов Атиллы Гуннского не помню, а так же и (даже) Ричарда Львиное Сердце, — не говоря уже об А. Македонском (а Цезарь тоже любил держать руки на груди — и Наполеон Бонапарт тоже перенял

это у него), — то я не стал их изображать. Кстати — в кардинале де Ришелье — жест Цезаря соединился у меня с жестом Дзержинского — советским прототипом Гейдриха: крестообразный обхват руками рук, захват правой рукой подбородка в глубокомысленно-демоническом раздумье — и вообще всякие такие скелетообразно-донкихотские замашки! Так что на всех иллюстрации хватило.

...У меня система — состоит из трех «свободных канонов»:

I. Реалистического Символизма — РС (реальное по Смыслу через Символическое по интерпретации — стилю).

II. Символический Реализм — СР (Обобщенно Символическое по Смыслу и Содержанию — через Реалистическое — по Стилиевой Интерпретации формы).

III. Колористика — (Нечто... — может быть наиболее интересное, — или во всяком случае — экстравагантное и интригующее: это Синтез первых двух: — если I можно считать «духом» — спиритус, а II субстантой — «материей», — то это душа.

Соединение того и другого — для создания — особого импрессивного колорита.

Колористике я немного поучился у модернистов... И у неореалистов тоже).

...Зима в Одессе красива — как почти всегда... (хотя и по-одесскому красива) и весьма акварельна. Дина Михайловна даже очень страдает, что не может как-то полно выразить это в своем даре: Написала небольшой натюрморт: вареный рак и керамическая узорная кружка — цвета рыбьей чешуи — на очень простой деревянной поверхности — такой серо-желто-розовато-жемчужной доске-скамеечке для ног. Очень интересно. Вообще — все получилось в гамме жемчужного сияния. Благодаря свету из окна...

...Хотя я себе представлял такую натурную тематику — в более классически-рембрандтовских тонах — однако это достаточно хорошо и (очень) красиво по своему — в духе может быть близком Сезанну — несколько — но хорошо. У меня тоже подобная ситуация. Хотя я сейчас ничего не делаю, строго говоря, — окромя всяких (теоретических) пометок в тетрадках, книгах и блокнотах. Почитываю понемногу «Преступник», лежит совсем близко, — не у меня здесь «видит око, да зуб неймет». Дело в том, что (он) еще — по капризу автора — нуждается в некоторых дополнениях, маленьком усовершенствовании в деталях и, таким образом, — общей переписке начисто. Тогда он будет совершенен для чтения. Хотя, — как только я (его) написал, — я дал с ним познакомиться одному своему знакомому — Рихтеру — ты его, возможно, знаешь. Ему, в общем, понравилось. Теперь его требует у меня моя знакомая — супруга моего товарища, у которых я бывал в Москве. Помнишь? Она будущий литератор и мои литературные exersis — миниатюры — ее, естественно, интересуют...

Саша

* * *

Серую жизнь новомучеников «Опуса» скрашивал винный подвал «теремка».

И нас поселили в подвале. Рядом.

Перед Германией я сделал себе укол в СКЛИФ'е. чтоб не пить. На год. И я не сделал ни глотка. С ними. Это меня спасло.

На лето «опусники» выезжали в загородный дом.

Там Дашка-Илюшка колотили по фортепианным клавишам в четыре кулачка. Дом прыгал и разваливался.

— Вот это настоящий авангард, — говорил профессор Ортис и, выдав желтые боты, уводил малышей под дождем в лес.

Там же у них была новая капелла. Я полгода для нее разрабатывал эскизы — витражи, мебель, алтарь — всё.

Предложил иконостас из световых досок.

Ответственный за оформление Р. Поверил в меня. Что буду исполнять я.

— Только через мой труп, — неосторожно высказался Р. Почти получилось.

Невидимые механизмы и тайные пружины отбросили меня, когда все уже было готово.

Теперь думаю — к лучшему.

Они нашли «своего» исполнителя.

Очень важного.

— Будем затирать мраморную пыль в горизонтальном направлении — это лучше настоящего мрамора и богаче, — сказал он.

Бедный Р. Слег в больницу. Еле выжил.

Через какое-то время мы получили от него открытку.

И подпись — «ваш тихий друг».

Больше его не видели.

А два веселых гуся пробили окна в гараже. Стало светло. Чтоб я мог работать. Для производства шедевров.

Оловянные пуговицы глаз инквизитора оценивающе скользили по свежим холстам и картинам.

Тонким карандашиком в блокнотике он ежедневно записывал: Как название? Какая техника? Размер?

Сети — решил я. Ириш тоже.

И в тот единственный день, когда все в полном составе выехали на совещание в загородную резиденцию, мы молча свернули холсты.

Сложили графику. Потом вещи.

— Цум байшпиль — натюрлих, — распевали наши малыши.

И мы исчезли. Как не было.

— Какие это люди непонятные и непредсказуемые, — вернувшись, подумали братья, увидав голые стены.

А они для нас стали понятны.

И предсказуемы.

Другие формы жизни.

Все шиворот-навыворот. Кому как удобно (хочешь — алтарь на запад).

И «Опус» опускает.

Незаметными подменами.

Легкими искажениями.

Опускает, делая вид, что подымает.

Всё обман. Честней «опускают» в зоне.

* * *

Как-то давно, в студенческие годы, я видел сон. Помню и сейчас.

Зеленое пространство наполнено органной музыкой. С холма медленно сбегает зеленая собака. Очень медленно.

Собака деревянная. Ярко-зеленая.

Верней — чехол для собаки. В круглых дырочках — живые глаза. Чехол деревянный, но сгибает лапки точно живой. Движения замедленного фильма.

Тайна, радость, зеленое счастье.

Тогда же я сделал несколько рисунков, гравюру на металле. Еще написал холст маслом.

Я был поражен чистотой и живостью простой сценки. Примитив. Но какой!

Тогда же, давно, я записал наивную сценку — действие — «Зеленый чехол деревянной собаки».

Зеленый чехол

деревянной собаки

Задник сцены — зеленые холмы, голубое небо.

В центре — огромная добрая собака из дерева.
Цвет — ярко-зеленый.

Выходит Художник
(соответственно одет)
и говорит очень просто: Все свое отдал,
продал,
пропил,
подарил,
потерял
или украли.

Выходит Железнодорожник
(в форме) и так же просто
и без пафоса: когда-то я увидел в сторожке такой
плакат:

«Устанавливай машину — отжигатель против ветра»
И потом я еще много чего увидел.

Художник: Я не писатель.

Я не фантаст.

Это — Зеленый Чехол

Деревянной Собаки.

Это — моя суть,
и я перед ней — гол.

Голоса хора
за сценой:

Это его суть, и он перед ней — гол. (3 раза.)

Художник: Здесь я играю на всех струнах, и ничего,
если несколько струн порвется. Я за чистоту раскрытой
ладони, пытаюсь понять этот неизведанный мир, гармо-
нию дерева и лохмотьев.

Люблю жизнь взахлеб.

Все хором: И мы дарим друг другу этот подарок!

Художник (в публику): Зеленый Чехол Деревянной
Собаки!

Раскрась сам.

Цвет в тебе.

Выкатывает к краю сцены огромный Деревянный
Чехол Собаки.

Играет орган. Все поют.

Публика (хором): Он — художник

он — рожает

он беремен собой

(3 раза)

Вступает художник: Я — художник,

я — рожаю

я — беремен собой

совестью смешных

женщин и

невыкуренных сигарет

я — беремен тобой

и звонким колоколом

нежно

звоню по коже твоей

безнадежно

Все хором:

(и публика) он беремен тобой

он беремен тобой

он беремен тобой

и конечно же

собой

Занавес

На сцене перед занавесом Зеленый Чехол и Художник. Одна сторона сцены поднимается, и Собака оказывается на холме. Сцена перед Собакой продолжается в зрительный зал, куда потом она и съедет.

К Художнику подкрадывается чертенок в цилиндре и с дудочкой.

Художник

(не замечая чертенка,

под звуки органа и хора): Моя совесть — юродивый электрического века

в лохмотьях
надежд...
Чертенок
(поет писклявым голосом
под звуки флейты): А что у тебя есть сегодня?
красок, холстов, кистей и бумаги
нет у тебя
мастерской хоть крохотной
мольберта хоть старенького
нет у тебя
нет мрамора, лестниц, драпировок
нет кожи, молотков и меди с цинком
нет лаков, угля, сангины и левкаса
мастихина порядочного
нет у тебя
глины влажной и автомобильного лака
дерева красного, черного и белого
нет пироксилина, смальты,
извести для фресок,
серебра, глазури и песка
нет у тебя
круга гончарного и цветного стекла
нет у тебя
Выбегает куча чертей
(и все хором): нет лошади, пульверизатора,
гвоздей,
камина, шкур, колоколов,
шарманки,
серьезных догов, милых фокстерьеров
нет музыки, нет книг, нет денег
— одна надежда —
(хор повторяет)

В это время Зеленый Чехол Собаки медленно сползает с холма в зрительный зал. Дверцы головы Собаки раскрываются, и вылетают птицы.

Художник: Это моя суть — и я перед ней — гол!

Чертенки: да здравствуют
птицы!
да здравствуют
собаки!
да здравствуют поля
с птицами и
собаками!
Да здравствуем мы!
Зеленый Чехол сползает в публику. Птицы летают по
залу, садятся на зрителей.
Железнодорожник паяльной лампой отгоняет чер-
тенка от Художника (который тоже сходит к зрителям)
Художник
(к зрителям в ритм музыки,
и все хором): ты — голый
ты — чистый
ты — маленький
(переходя на шепот) к зрительнице:
ты — голая
ты — чистая
ты — маленькая
Обращается то к одному, то к другому, все тише и
теши, не обращая внимания на реплику чертенка, к Же-
лезнодорожнику:
и под накидку белых роз
ты — заржавелое масло
колес
Все до единого хором повторяют:
ты — голый
ты — чистый
ты — маленький
Обнимаются и целуются друг с другом, переходя по
всему залу.
С балконов бросают цветы.
Конец.

* * *

Глаза есть у всех. Даже у слепых.
Но видят немногие. Слепые чаще.
И слышат единицы. Чаще глухие.
Суета и шум. Мелькание быстро-мимо-летающего.
Растяжка времени в пространстве.
Кто видит суть происходящего?
Кто его слышит?
Все закрыты. Маской оболочки.
Ватой шума.
Внутренняя конструкция происходящего открыта не-
многим.
Тем, кому открыл Архитектор.
Он же открывает глаза.
И уши. Закрывает рты.

* * *

Да, я хочу жить так, как будто я уже умер.
Ни с чем не связан. И ни с кем.
Не задействован. Не в контексте.
Без своей ниши. Не быть в обойме.
Без привязанностей, звонков, контактов.
Без всякого имущества и имени.
Но — тогда без идей...
Чем я связан постоянно...
А они есть... Их надо проявить.
Материализовать. Ваз всё вокруг так.
Тогда, наверное, и поделиться.
Со всеми.
А это значит — связан...
Может быть, жить так, как бы я уже умер, я смогу по-
том...
Когда уже умру...

Послесловие

Я не литератор. Этого дела я не знаю. Учился не тому и не там.

И более всего я люблю складывать камешки, находя подходящие.

И я не иллюстратор. Не учился, и опыта у меня нет.

Но бывают моменты, когда необъяснимая сила какого-то импульса заставляет, бросив все, быстро, мгновенно, еще не зная, что, перенести этот импульс на бумагу. В любой форме. На всё, что окажется под рукой.

И чем быстрее, тем точнее.

И я знаю, что все последующие уточнения и изменения — это уже мои искажения.

Часто не понимая, что же получилось, я так все и оставляю, так как не моего ума это дело.

Все заумное — грязь, которую я прилепил к чистому импульсу.

Всегда помню своего друга. Он хотел пройти в потемках жизни, неся перед собой кисточку, как свечечку.

Кистью Руки.

АЛКОПРОЗА

Вместо предисловия

...все просто... чтобы написать это... надо быть среди этих людей... для этого... надо попасть в такую клинику... а чтоб попасть в нее... надо долго и тяжело пить... и платить... годами своей жизни... здоровьем... и выжить...

«Зачем же мне,
едва полуживому,
искать другого,
праха не имеющего?»

Г. Айги

* * *

Утром... или нет... когда открыл глаза... встал... но еще спал... боролся с рубашкой... с ее контролем... сутра... с самого начала...

Потом... после борьбы... но уже проснулся... насиловали штаны... меня... стоя на одной ноге... потом другой... и все контроль... система движений... не упасть бы...

Ботинки... да и носки тоже... носки-ботинки меня бросили... на колени... я почти сдался...

Я в системе охвата... ног-рук-груди... я под контролем... я не свой... себе не принадлежу... меня держат... этой осенью... сверху... с неба... капала... очень часто... капала водка... и потом... и сейчас... потом сейчас снег... с неба... но не иероглифами... а знаками... белыми... на белом... знаками качества...

— О?! Зигмунд Фрейд тоже трубку курил. Рак губы — умер.

Хемингуэй курил. Застрелился.

Не курите.

Кровать... Свой стол... Письменный... Лампа. Другой стол. С минеральной водой и телефоном.

Главное — лампа. Можно читать. Рисовать.

ТВ выключают в 10:30.

Два зала — один с большим, как в кинотеатре, экраном.

В 12 часов ночи проверка — все ли на местах.

Клиника в лесу. Курительная беседка под высокими елями и осинами. Немцы сидят вразвалку. В одной руке чашка кофе, большая с крышкой, в другой — сигарета.

Русских можно узнать по лампасам. Почти все в тренировочных штанах. Тельняшка, «треники», белые кроссовки. Различие только в лампасах. Широкие, многополосные, иногда с бахромой.

В беседку не входят, стоят отдельно кружком. Мат-перемат. Хохот. Опять мат. О чем они? Просто собралась сборная на острое матерое словцо.

Доктор вошел в палату вверх ногами. Халат повис на зеленых ушах. Свистит в трубочку.

— Вы больны, доктор? Вам плохо?

Доктор заплакал...

Консилиум врачей (8 ч. утра).

— Почему вы к нам попали?

— Алкогольные проблемы.

— И как долго?

— Сорок лет.
Все молчат. Изучают экземпляр..
— Почему не научились по-немецки?
— Долго работал в монастырях. Там все молчат..
Одна по-русски:
— Приходите в 3 часа на второй этаж — поговорим.

Столовая стеклянным полукругом выходит на восток.
Завтрак в семь, и только встает солнце.
На стене двухметровый холст.
На нем большие потрескавшиеся губы с полустертой розовой помадой.

Рот раскрыт и вываливается большое пятно розового языка как центр композиции. Язык пробит пирсингом. С него длинной каплей стекает слюна. На людей, сидящих за столиками.

Люд разнообразный. Выглядит прилично. Условие клиники — одеваться не как в больнице, а как на улице. Основной возраст — после сорока. Есть и двадцатилетние. Это обычно токсикоманы или игровая зависимость. Все предельно вежливы.

Я человек мусорный.
Забитый системой.
Алкоголик. Пьяница запойный.
Меня нельзя пускать в приличное общество. Я ем руками. С газеты. Пью залпом.
На улице меня всегда притягивают нищие и убогие.
Перефразируя И. Бродского:

Ну, что сказать за жизнь?
Что была короткой.
Только с нищими чувствую солидарность.
И если мне глотку зальют водкой —
Из нее раздастся лишь благодарность.

И вот я здесь.
С кем я могу общаться?
Только с табаком.
Я взял шесть трубок.

Курительная зона точно избушка на курьих ножках в лесу. На курительных. Только новенькая и покрыта свежим лаком.

Острая немецкая речь режет клубы дыма, как пирог с маком.

Настоящие алкоголики узнаются по походке. Лучше со спины. Они несут какую-то печать. Знак скорби.

Они уже разучились жить в этом мире. Поддаваться трезвому обману. Играть театр.

Когда-то на Левобережной (в Москве) курительная была без окон.

В центре — ведро. Заплеванное.

Как дегтем смазанное.

Докуривали до желтых ногтей.

Сморкались и харкали в ведро.

Пели под гитару. Варили чифирь.

Здесь же все долго и аккуратно гасят сигарету, и никто ни разу не плюнул...

В клинике задают вопросы, заполняют анкеты. Когда пил и сколько? С кем и где — не спрашивают.

И все как бы с потаенной завистью.

— Когда первый раз напился?

— Когда начал опохмеляться?

— Сколько надо было на утро, день, вечер и ночь?

Представляю бесконечное количество флаконов, выстроившихся с середины 60-х. Портвейны, вермуты. Потом покрепче. Далее все подряд.

По животу размазывают какую-то мазь и на экран смотрят, сколько же выпито.

Экран заклинило. Перебор.

Холодно. Конец октября. Все сморкаются. Как водка течет из носа. Ее вытирают бумажными салфетками.

Только у меня старые матерчатые платки. Вечерами стираю их под краном.

В лесу под Триром клиника Даун.

Место так называется, город такой.

Древние римляне его основали. Как сторожевой пост.

Но даунов здесь нет. Здесь наркоманы, алкоголики, политоксикоманы, игроки (в казино и автоматах), зависимые от таблеток и т.д.

Комнаты на двоих.

Со мной симпатичный немчик Комз. Ожившая копия карандашного портрета Шуберта.

Такие же очки. Редкие кудряшки. Седенький. Только левое ухо пробито двумя серьгами.

У нас борьба дыма.

Он закуривает «Мальборо». Я раскочегариваю трубку. Табак английский, пропитан старым виски. Дым — молоко.

Одеялом окутывает его. Он качает головой Шуберта, и серьги тонко звякают.

Постоянно, вернувшись с улицы, он, заглядывая в глаза, сообщает:

— Я курил.

— Курил? Очень хорошо. Зер гут, — всегда отвечаю я.

За кого он меня принимает?

Щечки розовые. Ребенок еще.

Поседевший.

Наверное, попал сюда случайно.

Пациент Дауна.

Все смотришь на себя чужими глазами. А зачем? Ведь это театр.

Смоделированная такая ситуация.

Надо принимать простые, но правильные решения. Плевать, что о тебе подумают. Зрители.

Воспринимать с юмором. Не так серьезно.

Но внутри какие-то страхи. Вбитые системой. С младых ногтей.

Как говорил мой ближайший друг: «Сейчас из стены выйдет ужас».

Можно думать, что это остаточные явления того, что «пил все, что течет». (Поговорка тех лет — «Под лежачего художника коньяк не течет».)

Главное — как воспринимаешь — так и есть. И ты в силах изменить ситуацию.

* * *

Собеседование с психотерапевтом.

Рассказываю байки:

— Я никогда не напивался. Выпью только стаканчик — и я уже другой. А вот этот другой уже напивался до поросячьего визга.

«Между первой и второй перерывчик небольшой» — почему? Потому что после первой ты становишься другим, а другой тоже хочет.

Как говорил мой друг, «я пью, но это меня не составляет...».

Анекдот от Пирогова (тоже уже покойного):

Двое алкашей хоронят третьего.

— Смотри, он хорошо выглядит.

— Конечно, три дня не пил.

* * *

Столовая — самообслуживание.
Выбирай, что хочешь, — рыбу, мясо, салаты.
Если набираю — съедаю дочиста. Привычка. Редко
когда что-то остается.
Потом отнесешь поднос на тележку.
Там все подносы завалены едой, часто и нетронутой.
Напротив сидит здоровяк в майке «Дэвидсон». Поковырял одно блюдо, поковырял второе. Откусил банан, бросил. Взял поднос, отнес в тележку.
Так и в общении с другими.
Поковырял-поковырял душу — выбросил.
Наверное, так и надо — откусил кусочек (при знакомстве) — и на тележку...

* * *

В клинику попадают не сразу и не все.
До нее надо хотя бы пару месяцев не пить или не колоться, не глотать «колёса» или не нюхать кокаин...
Только тогда ты можешь поступить «на излечение».
Но не все это могут. Они в «системе».
Обычно это легко начинающим.
Попил неделю, месяц, выгнали с фирмы — иди лечись.
Кто на первой стадии.
Или на последней.
Как я.

* * *

Раздают анкеты. Заполните — по каким причинам может произойти срыв. Потом распределите — что вы делаете плохо для семьи, для работы и для общества.
«А потом я объясню вам, как умирает печень...»

* * *

Большой зал. Человек тридцать сидят полукругом — веером.

Все колоритные персонажи. Как в костюмерной Голливуда.

Взгляды всех сходятся в одной точке.

Это психотерапевт. Он принимает новых.

Каждый о себе что-то говорит.

По очереди. Имя-фамилия, возраст, откуда прибыл, есть ли семья, дети.

Но главное себя определить — «Я — алкоголик (наркоман, игрок, политоксикоман, зависим от таблеток и т.д.)».

Один (загар, подстриженные усики, свежая рубашка) несколько раз гордо повторяет: «Я уличный алкоголик».

Вспомнил его сидящим в торговом центре города. Кожаные штаны, меховая куртка, большой транзистор с дорогой бутылкой виски. Рядом укутаны в одеяло две откормленные собаки. Попивая, покуривая, шутит с прохожими. Таких много.

Им подадут. Чем лучше одет — тем больше дадут. Настоящих нищих (стоящих на коленях у входа в храм) обходят.

* * *

В курительную вошел болезненный тощий курильщик. Видимо, не он затягивается сигаретой, а сигарета им.

Длинная, в рыжих паклях наркоманша Клаудия.

Ей: «Ты — мать?».

Она: «Да-да, кошачья мать».

Группа анонимных алкоголиков курила анонимно.

В центре сидит седой и толстый, с лицом, натертым кирпичом.

Похож на тренера. По алкоголизму.

Вот подходишь. К любой пепельнице. Семь пепельниц, урна в центре. Рядышком на длинных скамейках разноцветная семейка. Алкаши, кокаинщики, игроки, героинщики...

Весело общаются, хохочут.

Надо поздороваться. Сказать: «Хай, привет, братья зависимые!».

Не поймут. Языков не знают.

Но народ яркий, веселый, вежливый. Сливки общества. Или общество их «слило», или они себя «слили» с общества.

И можно не раскрывать рот для «Хай», а просто посмотреть в глаза.

И кивнуть. Они все понимают.

* * *

Неподалеку группка на корточках сидит.

Постоянно сплевывают. Ржут.

И мать вспоминают. Через каждое слово. Базар.

* * *

Расслабился. Раскурил табак.

Надо отпустить... внутреннее... внутреннюю... струну... она... она натянута... предел... предельно... ножом... лезвием по ней... полоснуть... вот так... легче...

И все сорок две тонны копошащихся мыслей вылетают из головы тоненькой струйкой в трубку...

А дальше — дальше в небо...

Распахнулась дверь комнаты восьмой.

— Воя, пыш! — сестра будит. Колёса глотать.

А что тебе? Есть-пить дают. Спать есть где. Тепло.

Теперь пусть хоть «Воя, пыш» кричат, хоть кукарекают (надо же такое услышать).

* * *

Клиника как жизнь между жизнями. Время все обдумать, взвесить, определиться к следующей жизни.

Я хочу знать больше подробностей о себе. Информации. Залезть в глубинную память и все детали тщательно разработать.

Вывести себя на чистую воду.

* * *

Сто тридцать четыре шага по коридорной кишке с семью стеклянными дверьми.

Все встречные бесконечно вежливы.

Открывают друг перед другом дверь, улыбаются и приветствуют.

Даже пожилая женщина, лет семидесяти (но никак не старуха), распахнет стекло и дружелюбно — «Хай!».

Приветствия, извинения и забота, хоть и не знакомы.

Это все люди, знающие, что это такое, когда человеку плохо.

Все испытали на себе не раз.

И я вижу, чувствую утром, что я — это каждый из них.

Я — этот. Я — та.

Мог быть и этим изысканно одетым наркоманом-антикваром, и этим стриженным хромым юношей-наркоманом, и женщиной-алкоголичкой с простым открытым лицом, вероятно, заставшей войну...

Я всегда придержививал шаг, проходя мимо нищих и алкашей. Я узнавал себя в них.

Знал, что они чувствуют, угадывал мысли. Волна, их окружающая, мне знакома. Их вибрации я читаю. Их глаза забываемы.

Псевдо видно сразу.

* * *

На столе моем камешек с горы Синай, крестик сандаловый, сквозной, крошечная рыбка Св. Петра из металла и глазури.

Все это Дашенька, со Святой Земли прилетев, выложила передо мной.

Сама светится — месяц в монастыре на горе Елеонской.

— Ночью купалась в Мертвом море, поужинала гранатом и легла спать...

* * *

У нее... да-да, у нее... на тонкой руке... часы... крупные... большие... точно мужские... не золотые — позолоченные... циферблат вишневый... красный — бычья кровь... часы — глаз бычьей крови... и ремешок... такой же... красный как порез... рана... вокруг запястья... как можно психотерапевту... зачем ей... носить рану... ежедневно... вглядываться в нее... в красную.

Или нет... это я... мое восприятие... вот сейчас так... такое состояние... это я так вижу... это не она... это я... Она носит на руке... мое состояние... Но она же... она носит... на себе... зная или не зная... состояние каждого... всей группы... все разновидности... на ней... отпечатываются... каждый свое... то и видит... и чувствует...

Я вижу рану...

* * *

...Шуберта из моей комнаты перевели в другую клинику (Розенберг).

...Кто же по вечерам будет меня угощать шоколадом?..

...хотел, чтоб я переехал с ним...

...там почти все «наркомы»...

Я видел серые ряды понурых и отрешенных... бредущие в столовую...

...мне стало не по себе... здесь веселей.

...да и русских полно... своих.

...новый сосед Гвидо... голова-яйцо... смазано маслом...

* * *

...шофер А. (алкоголик-афганец по прозвищу Доцент):
— Тормознули на трассе... дали дыхнуть... конечно, ничего... успел проглотить масло с уксусом... никаких промилей, а пьян... они не верят... открыли кабину... полбутылки еще... запах... садись — поехали... проверим кровь... не поеду... как?. слушай меня — я немецкий солдат... а я — русский офицер... одной рукой за документы... другой локтем в грудь... мигом в машину... и газ... конечно, сразу нашли... суд... год тюрьмы... два года лишения прав... теперь здесь... в Дауне...

* * *

...у меня в столе... в комнате моей... в сорок шестой... пару кусков черных... хлеба... с сыром... на всякий случай... чтоб было... привычка... с давних, голодных лет... и чтоб выпить что было... аптечка... чтоб не умереть...

...так и жил... уверенный... в завтра... в послезавтра...

...многие на поднос набирают много...

...много едят... много оставляют...

...слишком много... относят на мойку...

Надо ли брать много... у жизни?

...просто не брать лишнего... трудно избавляться...

* * *

...разговоры (в курилке)...

«...Я пришел сюда алкоголиком и уйду алкоголиком... послушай, я тебя где-то видел... в Караганде был?.. был... завод такой-то знаешь?.. да... рядом пивная... по-моему, ты у меня двенадцать копеек спрашивал... встретились...»

* * *

...групповая терапия... кто-то о себе... все наружу... ему вопросы... со всех сторон... вся подноготная... где... что... когда...

...правило клиники — из своей группы не выносить... ни с кем другим не обсуждать...

...рассказывай, кругленькая черноволосая пампушка... график жизни начертила... диаграмму жизни...

...красные, зеленые, черные треугольники...

...сама из Казахстана... отец в тюрьме прапорщиком... охранник... пил постоянно...

...вышла замуж за вора... квартиры грабил... она помогала... поймали... дали четыре года... ему больше...

...как освободилась, стала поднимать стакан чаще... вышла замуж вторично... пили вместе... как-то не поладили... всадила нож... в область сердца... столовый... вызвала полицию... скорую... еле спасли.

...Когда он очнулся... сказал... «если всадила нож — значит, заслужил».

...ее не судили... детей забрали... на воспитание... теперь клиника... вместе с мужем... четыре месяца... со стороны — идеальная пара...

* * *

...Москва... Левобережная... Клиника... «алики» и «шуррики» (алкоголики и шизофреники)... такая смесь... все в одной куче... стадии разные... могут в любой момент откусить нос...

...Клиника Даун... здесь «алики» и «нарики» (наркоманы)... и другие... зависимые... от жизни... политоксикоманы...

...вчера один «алик» другому: «...последний год... все время... с утра трясет... вечером шатает... и что за погода такая?..»

* * *

...у озера деревья... горят... осенью... птицы углом на юг... вода — блюдо... золотой овал... по тропинке девять «аликов»... с ними женщина... копна волос черных... психиатрия в голове... ведет всех... выводит... к воде... там карпы...

— Яша, ты прыгни... возьми его... за язык... он тебе ничего не сделает... можешь нести домой...

...Яша — «гы-гы»... и розовой веткой... себе... по ботинку... терапия...

* * *

...чувствую... чувствую себя... застарелый подосиновик... под дрожащей... осиной... сижу... в очках... и капюшоне...

...я возможный заплыв... между частью Тельца... я секунды раскрыл... слякоть раны лица... я вразлет-наперед... тонкой ленью скакал... сетью запонок скал... выстрел глаза... зрачок... там уже побывал... пиво-воды челнок... фиолетовый крик... за кубами... тюрьмы... этот вязкий язык... подорожник открыл... я вам шкуры листал... в параллельных мирах... колокольчик вонзал... между щек... влопыхах...

* * *

...было сказано... терапевтами... психиатрами... обдумай... напиши... свою автобиографию... алкогольную... карьеру... график нарисуй... «курву»...

1. норма (повышается)
2. желание (непреодолимое)
3. контроль (потерян)
4. похмелье (уже необходимо)

5. негатив (в семье, на работе)
6. продолжение (употребления)
7. потеря всего
8. только алкоголь (других интересов нет)

* * *

...трубку набил... расслабился... раскурил... плакат...
перед носом... осел в профиль... радуга... бабочка... подписи
нет... что это значит?... зачем?... для кого?..

...осел ушами хлопал... словно бабочка... осел...

* * *

...ночью... засыпая... в полутьме... строчки... сосед
спит... нащупал карандаш... обрывок бумаги... слова... сно-
ва на ощупь... смысл неясен... пишу вслепую... может,
завтра... пойму... расшифрую... если удастся...

Кто-то что-то... мне говорит...

И я слышу... внутри... себя... надо зафиксировать...

...утром читаю:

...ты выбрал это...
зная все заранее...
как маленький божок...
отстегиваешь дни...
к великой мудрости...
приклеил ты страдания...
все испытал...
теперь чехол сними...

* * *

...внезапная проверка... промили... все дуют в трубку...
«саксофон»... ищут... вдруг кто-то... не выдержал... «при-
нял»... особенно — после прихода гостей... и всегда не-
ожиданно...

...вот привезли меня... униклиника... промилле — 4,9...
врачи собрались... посмотреть... кто такой?.. русский...
художник...

Главврач:

— Как вы себя чувствуете?

— Супер-перфект, — как обычно, отвечаю...

...все дружно рассмеялись... все белые халаты... Я — аб-
солют... бриллиант...

* * *

...поковерканный разговорами воздух... слетелись...
зависимые... в павильон курительный... галдят... смех-
гогот... возбужденные, точно праздник... точно «приня-
ли»... невидимой нитью... все повязаны... и стар и мал... все
понимают... все уважают друг друга... теплая семья... алко-
голики-наркоманы... одни испытания...

...древние старушки... войну пережившие... сухие... бе-
ловолосые... глаза умные... внимательные... всё понима-
ют... всё принимают... щелкают зажигалками... портсига-
рами...

...тут я представил... если собрать всё выпитое каж-
дым... в один пузырь... и в одну массу... все страдания... му-
чения... боли... опыт... какой ком вылепится?.. какая энер-
гия в нем?.. а для того мы и здесь... на земле... и живем...
из жизни в жизнь...

* * *

...вены прячутся от наркомана... Андрей (29 лет)...
о себе... на листе треугольники и квадраты... его жизни...
пунктиры... все на ладони... можно вздрогнуть... ахнуть...
сначала пил с братом... потом с подругой... новая рабо-
та — перешел на наркоту... кололся... вены ушли вглубь...
защита... взять анализ крови невозможно... врачи муча-
ются...

* * *

...равно ли время пространства пространству времени?.. Нет... думаю, пространство времени бесконечно... время пространства — да... ведь пространство — нечто ограниченное... или нет?

...это можно решить... посидев в курилке... в ее пространстве... посидев некоторое время...

* * *

...приехала семья... навестить... ведь знаем друг друга... тысячу лет... вместе... в разных вариантах...

...вот стали в кружок... прижались лбами... обнялись за плечи... точно футболисты... перед выходом... на поле... такой миг... а ведь был уверен... всегда... что семьи у меня... быть не может...

...пошли в мокрый лес... семнадцатого Ирина летит в Иерусалим... прощались... два раза...

* * *

...Лизель (принцесса Сальмская) подарок мне сделала... перед клиникой... четки с распятием... серебряным... пятьдесят восемь гранатовых капелек крови...

— Они тебе помогут — держи их в руке. Я сама засыпала только с ними...

...теперь я сжимаю в кулаке... горсть застывшей крови...

* * *

...алкоголь... алкоголь сокращает... жизнь... наполовину...

...мне шестьдесят четыре... но, если бы я не пил... было бы... сто двадцать восемь... (так сказал мне друг алкаш...)

...бабушка: — ...внучек разберет сигаретку... потом снова набьет... выкурит... и все думает... думает... наверное, конструктором будет...

...рассказ Александра (алкоголик, игрок, самоубийца):

— ...все... надоело... решил покончить... встретить поезд... три бутылки взял... спирта... две выпил... третью в трамвае пью... думаю... если не насмерть... калекой останусь... до конца... испугался... повеситься — позорно... вернулся... вспорол вены... литр крови... другой... заснул... проснулся — живой... научился глухонемому (немецкому)... в спецклинику направили... пять месяцев... бассейн... гольф... спорт... вышел... взял пива... три банки... и вот... дальше не помню... здесь...

...доктор:

— ...расскажите о себе, свою биографию...

...пациент:

— ...ну, когда я первую зарплату получил — не помню...

— У вас есть профессия, где вы учились?..

— В Семипалатинске, где — не помню... а здоровье хорошее... только задыхаюсь... сердце останавливается... кровь густая...

* * *

...рассказал Александр (40 лет, алкоголик, наркоман, игрок, самоубийца):

— ...был велосипед... на минуту оставил... у магазина... вышел — нет... стал искать... сидят ребята... подошел... окружили... деньги давай... денег не было... хотели бить... я кивнул в сторону... они посмотрели... я рванул... бежать... они за мной... я в лес... потом домой... стал плакать... долго плакал... почему так?.. за что?..

...услышал голос... внутри: ты тоже грабил... дрался...

...что-то понял... другим... надо быть другим...

...знаешь... что хорошо... что нехорошо... а делаешь... потом в Библии прочел... так это же про меня!.. буду автобиографию писать... оттуда перепишу...

* * *

...спрашиваю у алкоголика:

— ...Бог есть?

— ...есть...

— ...веришь в Него?

— ...Бог есть, но я в него не верю...

(...трудное детство... чугунные игрушки... про Айвазовского не слышал... есть и такие...)

* * *

...самый... самый длинный... русский праздник — похмелье... как начинается... так на месяцы... на годы...

* * *

...групповая терапия... тема: «Возникновение депрессии»... все по пунктам... какая депрессия... когда... почему... какие причины...

...но... причины может и не быть... и дома все хорошо... и с работой... но вдруг... раз — и... все...

* * *

...Афон... монастырь... работаю... мозаики... без алкоголя... без табака... все спокойно... как бы и не надо... несколько лет приезжал... раз появился... пейзаж стал рябиться... пошел волнами... на причале стою... корабль... отплывает... туда... где магазин... как я пролетел?... три метра... по воздуху?... что толкнуло меня?..

...набрал коньяку... присел на камень... выпил... легко... спокойно... красота вокруг... жить хочется... не спеша... тропинками... вернулся... пил в келье... с неделю... не ел... выйду ночью... пройду... в крошечной тьме... «небом в алмазах» полюбуюсь...

...запасы кончились... где взять?.. пошел по кельям... у монахов... добрые... понимающие... доставали кагор церковный... седовласые старцы... пузырьрики... флаконы... обошел всех... все опорожнил... иду к иеромонаху... что исповедь принимает...

— Отче, водка кончилась...

...отвел в архандарик... гостевые комнаты... велел налить узы... я — «добавь до полной»... выпил... теперь готов... в катер посадили... скоростной... и в клинику... греческую... до Пасхи...

* * *

...пациент В... лет сорока пяти... русский... покуривает... в небо смотрит...

— ...да, не хотел бы я оказаться в этом самолете... не выношу закрытого пространства... после Афгана... как-то менты... четверо... в камеру толкали... всех разметал... страх первобытный... животный... стены... окон нет... приступ... сразу... уже ни в метро... ни в автобус... только машина... знаешь — по бокам дверцы... остановить можно... на заднем сиденье уже нет... а так... ничего не страшно... только это... закрытого пространства боюсь... последний раз... в самолете... еле откачали... рядом девушка сидела... журналистка... читала... глазки закрыла... уснула... она не была в Афгане...

* * *

...дымлю... табаком... подходит А. (вор, пьяница, игрок, самоубийца)... глаза голубые... чистые... слуховой аппарат... потрескивает... говорит... улыбаясь...

— ...пришли дети... играли на инструментах... а люди не плясали... тогда заплакали дети... а люди... видя... что дети плачут... не рвали на себе волосы...

* * *

...пациент А.:

— ...я рисовал гладко... быстро... с приятностью... любил рисовать... отец говорил: «художники всегда бедные... мало получают»... и я пошел на слесаря... хорошо зарабатывал... много... Шишкина люблю... у него все гладко... в галерее был... большую картину видел... приход Христа... так я там... ошибку нашел... там человек... в одежде белой... у воды... а отражается в красной... Я раньше быстро рисовал... без резинки... теперь нет... не так... с резинкой надо...

* * *

...групповая терапия... читал всем автобиографию... вывернулся наизнанку... карьера алкоголика... стаж — сорок лет... выпил свою цистерну... приходится вспоминать... теперь... про каждый выпитый литр... отчет... анализ... выводы... слушают молча... без вопросов... психотерапевт М. берет отчет с собой... разобраться... и в четверг... к ней в кабинет... в 211... один на один...

...все рта не закрывают... стоят кучками... и каждый о себе... или что знает... что слышал... хотя... никто не спрашивает... самоутверждение... в словах... кто как может... просто молчать нельзя... надо занять место... свою нишу... проявиться... многие мастера... разговорного жанра... рассказы отточены... точно морские голыши... опыт большой... армия... тюрьма... из клиники в клинику... кто больше и лучше представит... как на сцене... афганцы договорились — про Афган ни слова... а так... темы любые... очень откровенные... в прекрасном пополнении... в групповой терапии — другое... байки не пройдут... надо обобщить... подытожить... сделать вывод... и мастер-рассказчик теряется...

* * *

...Наполовину высохшая капля... меня тянет к людям... которым кажется... что они... сходят с ума... здесь все такие... чувствуешь... на своей территории... в своей зоне... и под-держка... звуки смеха... разговоры... щелканье зажигалок...

* * *

...На терапии... о депрессии... вспомнил... когда-то было... взял сигарету... раскурил... докрасна... повернул левую ладонь... затушил о запястье... где синие сосуды... светятся... круглая рана... запеклась... по краям... подошел кто-то...

— Что ты?..

Я раскурил другую... и в то же место... затушил ...

...депрессия прошла... рана заживала три месяца... боль психическая перешла в физическую... перенос боли...

* * *

...с утра... после таблеток... выпив кофе... выкурив трубку... уже в полдевятого... закончил три холста... ранее начатые...

...Холст первый — «Формула глюка» (по-немецки «глюк» — счастье... в русском «глюки» после стакана... «колес»... иглы... широкое понятие)...

...подписываю холст... для немцев — О. Т. (что значит — без названия)... для русских — «Формула глюка»...

...Холст второй — «Ломка»... (на немецкий не переводится... ставлю О. Т.)

...Холст третий... из двух частей... подписал просто — «Двухчастник номер три»...

* * *

...в тринадцать тридцать... терапия... групповая... в окна смотрит лес...

Александр (46 лет, алкоголик) представляет свою «курву»... это график... жизни... взлетов-падений... линии... пунктиры... треугольники... квадраты жизни... разделы по годам... семья... здоровье... работа... образование... хобби... вся жизнь — хобби... черно-розовые периоды... не было бы черных... тогда не было бы розовых...

...вскрывай подноготную... отвечай на вопросы... и я спросил:

— А как твоя семья... жена... понимают ли они... что алкоголизм — это болезнь... а не блажь... какая-то?..

— ...нет... не понимают... жена... когда я не пью... говорит: «что ты прикидываешься ангелом?»... когда выпью... черти мерещатся... все друзья... в чертей... Я за ноги... гонять их... связали... в клинику... только сын... ангелом стоял... я на колени... поднимаю голову — черт...

* * *

...ночь... сижу... обмотан шарфом... курительная... вокруг звезды... деревья... филин... пускаю дым... в Большую Медведицу... вся клиника... под одеялом... сбоку тень... кашляет... курит... говорит себе: «одинокий курильщик в ночи»... и исчезает... я задумался...

...я изучаю время... на планете Земля... я изучаю себя... в этом времени... я изучаю других... другие реальности... этого времени... вижу изменения... и... когда настанет время... я уйду из этого времени...

* * *

...отец... сидит на кухне... плохо... очень плохо... надо принять... ничего нет... входит сын... к холодильнику... дергает ручку — «шеф... подвези... надо раскумариться... нет?.. не подвезешь?..» ...отец думает... во... у сына крыша поехала... «белочка», наверное... идет в туалет... вернулся — холодильника нет... «ну... уговорил, наверное...»

* * *

...новоприбывший в Даун... подходит к группе курильщиков... «а где здесь тропа Хо-Ши-Мина?»... и все понимают...

* * *

...в чистом воздухе... по вечерам... над Дауном... гукает филин... из одной точки леса... с одного дерева... невидимого... и все привыкли... многие отвечают... и вдруг не объявился... все встревожились... прислушиваются... тишина... весь павильон курительный... обсуждает... предполагает... переживает... но старый алкоголик... не выдержал... громко гукнул... по-филински... и тот ответил... отозвался... как проснулся... все закричали... радостно... кричали «яволь»... русские радостно матерились... со слезами...

* * *

...в первый день... в один из первых дней... приезда в клинику... в большом зале... стулья расставлены... полукругом... знакомство... представление себя...

...веером расселись... алкоголики... наркоманы... самоубийцы... игроки... прочие «зависимые»... в центре — психотерапевт... тоже зависим... от нас... но не понимает... и говорит: «алкоголизм — болезнь неизлечимая... а я вас буду лечить...».

...каждый... по часовой стрелке... докладывает... представляется... по очереди... все слушают... называет имя... фамилию... откуда... какая зависимость... многим трудно... сказать — «я алкоголик»... «я политоксикоман»... «я самоубийца»... легче — «у меня зависимость»... молодая немка... коротко — «зверски пила»...

...встает высокий... худой... с мягкой бородкой... глаза умные... выдает «букет»: «я алкоголик... наркоман... вор... игрок... и самоубийца»...

* * *

...утром... трудно... «встаться»... тяжело... в эту жизнь... кофе... кофе... табак... до одури... потом дурь выходит... и нормально... соображаешь... где ты... и где твои вещи...

...вот приехали... алкоголики из Люксембурга... на джипах... новый заезд... по-французски... картавят... с переломанными ногами...

* * *

...аукцион-распродажа... картин-скульптур... алкашей-наркоманов... в Даун-Форуме... бар... танцы живота... терапевты разносят бутерброды... деньги за картины — детям алкоголиков...

...девица... тщательно одетая... лет двадцать... графику предлагала... черно-белую... стала рассказывать... про жизнь свою... рассказывать — плакать... ее увели... она рыдала... в соседней комнате... графику купили... сразу... и три моих холста... подошла покупательница «Формулы счастья»... по глазам понял... почувствовала она... энергию холста... глюк в глазах...

Формула счастья — раз...

Формула счастья — два...

Формула счастья — три... — продано...

* * *

...Вовчик-афганец... что татуировку просил исправить... «Таня» на «Автомат»... утром выписался... из клиники... вечером звонит... уже пьян... «сизу один... никого... шел через магазин...»

...звонил ежедневно... разговаривал все дольше... все бессвязней... потом пропал... все встревожились... «наверное, в больничку залетел»...

...сегодня просыпаюсь — он... «что... опять здесь?»...
«нет... приехал успокоить... ребят»...

...черные брючки наглажены... остроносые ботиночки
блестят... в руках два торта... «спасибо...» — «спасибо в кар-
ман не нальешь...»

* * *

...подходит А. (47 лет... алкаш-нарком... самоубийца...
игрок)

— Володя... вот муравей... как он живет?.. ни на-
ставника... ни президента... а на хлеб зарабатывает... не
жалуется... не обижается... бежит... бежит... вот умное
существо...

* * *

...курительная... точно сапог... на ветру... пигменты
рассыпаны... пеплом-порошком... и по облакам... по мас-
ляным стволам... тюремным дымком... курилась урна... за-
ключенных... полуокурков...

...а приснилась прекрасная... женская сущность... с име-
нем Ишаха... в темноте записал... знал... что утром уже не
вспомню...

* * *

...иногда... уставишься в зеркало... глаза такие... вни-
мательные-внимательные... и абсолютно равнодуш-
ные... морщина глубокая... сечет лоб... шрам... над бро-
вью правой... еще сносно... может, красиво... но вот... вы-
давил улыбку... что-то расплывчатое... точно маску ре-
зиновую надел...

...улыбаться... улыбаться я не научился... не привык...
не умею... в такое время жил... не умею обволакивать... об-
ворожительной улыбкой... а жаль...

Когда пытаюсь... размытая гримаса... вырастает в пространстве... как если в кишечник... коробку булавок... сыплют... а я пытаюсь... расслабиться и рассмеяться...

...и проявляется тип... с Брейгеля картины... или голландцев малых... когда смех сквозит... в провал... от трех зубов...

* * *

...то, как мы видим себя... в зеркале... совсем другое... как видят нас... особенно впервые... посторонние... чужие люди... мы видим... свой совокупный образ... все взгляды в зеркало... десятилетиями... слились в один... и «накладывается» на теперешний наш вид...

...так древний муж... видит свою... жену-подругу... во всем многообразии... с юных лет... с цветущей молодости... всю совокупность ее образа... а не просто... древнюю старушку... какую видим мы...

...многие... любят посмотреть... на себя в зеркало... и плюнуть... себе в лицо... в отражение... вернее — в себя... я не плюю... что дано — то дано... да еще сам выбирал... благодарен... и за это...

...а не улыбаюсь... значит, не надо... растягивать... улыбайся глазами...

* * *

...в клинике концерт... Виноградов играет... на домре...
...подсел дядя Саша... «Мутным» зовут...
— Скажи... на каком языке он играет?..
— На русском...
— А-а-а — понимаю...

* * *

...пришли вести... от Ириши... сегодня... ночевала в келье мастерской... около кладбища... в Гефсиманском саду...

сходила в Елеонский монастырь... на Масличную гору... а ночью... к Гробу Господню... в монастыре из колодца пила... а сейчас... работает над иконой... которая открывает и закрывает глаза...

* * *

...вот жена пришла... муж пьян... лежит... она спрашивает... у собаки: «сколько он пива выпил?»... собака: «гав-гав-гав»... «а сколько водки?»... собака: «у-у-у-у»...

...рассказал Александру (алкаш-наркоман-вор)... он смеялся... долго... остановиться не мог... и решил он картину нарисовать... на эту тему... рисунок принес... углем... фигура неожиданная... в стиле Тициана... (которого он не знает...)

— Буду всех спрашивать... что это?.. каждый будет говорить... а потом я... расскажу анекдот... мой терапевт говорит... чтоб я общался больше... я его в сторону... отвел... говорю: «дай сто граммов... дискотека сегодня... буду общаться... танцевать...» — «а ты попробуй без граммов...» — «так я не умею... не привык... без стакана я никогда... не танцевал...»

* * *

...звонок в клинику... дочь Дарья...

— ...папа... у меня... мысленный кризис...

— ...о чем же ты мыслишь?..

— ...поехать в Иерусалим... на Рождество... я сделала мультик... про Рождество... книжку про Рождество... спектакль... про Рождество...

— ...значит, поезжай... ты заслужила...

— ...но... я боюсь... бабушка-дедушка заскрипят...

— ...ну что ты... они все поймут... мы все будем рады... спроси свой внутренний голос...

— ...да?.. внутренний голос говорит «да!»...

* * *

...почему галдеж... смех... визг... в столовой... в курительной... в телевизионной... глаза закрыть... так за праздничным столом... веселье... шутки... возбуждение... большой компании близких людей?..

...просто все они... прошли боль... страдание... утрату... преступили черту... заглянули в глаза смерти... но выжили... вернулись... заново родились... и радуются... они видели небо...

* * *

...утром подходит В. (лет 30... алкоголик... сдвиги по фазе... рано полысевший и поседевший... с детскими голубыми глазами...)

— ...ну что... идем за пивом?..

— ...сейчас... только докурю...

— ...я вчера... в девять вечера... уже хотел идти... в ближайший лакаль... и налакаться... такое желание есть... я сегодня объявил... в группе своей... что ухожу я...

— ...куда пойдешь?.. домой?.. тебя никто там не ждет... ты один... опять окажешься... в магазине... начнется срыв... хуже прежнего... все наверстаешь... и опять клиника... когда я жил один... совсем один... я был рад даже мухе... которая ко мне прилетала... глаза огромные... стремление к полету... чем не друг?.. а когда с женой познакомился... то плакал... от сознания... что меня кто-то ждет...

— ...нет... мне жена не нужна... я парней люблю...

— ...что?!

— ...парней...

— ...а-а-а... тогда тебе сложнее... тебе жена нужна... парень сидеть дома... и ждать тебя... не будет... (и я дал ему таблетку... успокоительную... от персонала спрятал...)

* * *

...сообщение Ириши: «...стою на горе Фавор... и взлетаю...»

(...я упал... я в клинике... я тоже пытаюсь взлететь...)

...подходит Макаров... (алкоголик... игрок... художник-самоучка)...

...я говорю... своему терапевту... «Что вы мне даете?... таблетки?... лучше дайте яду»... а он мне... «Нарисуй картину... на память»... знаю... что ему изобразить... небо... большое красивое облако... а внизу мебель... и пьяный валяется... рядом собака... большая... и название есть... «Смышленная собака»...

— ...нарисуй ему небо... сине-голубое... и большую белую таблетку... название — «Яд терапевта»... и подари... на память...

* * *

...эрготерапия... лечение творчеством... выдавливать краски... время останавливается... болезни уходят... другое состояние... другое время... ты там...

...медсестра подходит... через руку поглядывает... «Вас ист дас?» — спрашивает...

— ...цум байшпиль... натюрлих... отвечаю...

— ...вас цум байшпиль?..

— ...натюрлих...

— ???

— ...дас ист русише алкоголише кунст...

— ...а-а-а... алкоголише...

— ...кунст... слушай дедушку... ему уж десять лет как... на кладбище прогулы ставят...

* * *

...видел во сне... подставку для трубок... курительных... как вылепить... снес глину в комнату... стеки... мас-

тихины... глину на подставку... быстро вдавил трубки... обрезал края... пара эскизов перед глазами... укутал мокрой тряпкой... до следующего раза... надо сделать легко... быстро... на одном дыхании... связать патронташ с надгробием... обжечь в печи... залить глазурью...

* * *

...может, главное... что осталось... сохранил... проявление себя... своей индивидуальности... в неблагоприятных условиях... в режиме... где все против... относиться к себе... к человеческому существу... которое не может быть вытеснено... другими... и остаться собой... я не позволил этим условиям... определять мое видение... себя... того, что я есть... на самом деле... одна из задач... и смыслов... жизни моей...

...психотерапевт:

— ...вы писали автобиографию... вспоминали... думали... какой же вывод вы сделали?..

— ...вывод?.. что в результате я сохранил себя... свою индивидуальность... талант... данный Богом... в строгом режиме лагеря... хоть и социалистического... я не поддался искусству соцреализма... делал свое... работал честно... хоть на жизнь заработать не мог... жил впроголодь... алкоголь меня спас...

— ...и вы видите теперь свои ошибки... изменили бы вы свою жизнь... если начать сначала?..

— ...нет... мне дана такая жизнь... такие испытания... и я опять прожил бы так же... я благодарен ей...

— ...и вы считаете... такая жизнь... и такие страдания... нужны?..

— ...да... для этого жизнь и дается...

— ...но есть же люди... не пьют... не курят...

— ...у них другие испытания...

— ...да-да... у вас такое положительное отношение... к алкоголю... вас трудно будет лечить... вы никогда не бросите...

— ...я считаю... что свою «норму»... цистерну жизни... я выпил... допиваю последние капли... у каждого своя «норма»... большая — маленькая... и каждый выпивает ее по-разному... кто всю жизнь понемногу... кто залпом... с перерывами...

— ...но вы намерены остановиться?..

— ...да... ведь я не один... любимые люди вокруг... жена... дети... если бы один... сел бы на яхту... набил трюм ромом... и табаком... и в море...

* * *

...Дашенька:

— ...папа... может быть... после смерти... ты попадешь в такое пространство... приятное... знакомое... светлое... атмосфера такая... освещение... так это буду я... в форме освещения...

* * *

...когда я разворачиваю газету... немецкую... то я ищу в ней... знакомые буквы...

Илюша:

— ...если газету перевернуть... то ты их найдешь еще больше...

(...так в жизни... я ищу в ней... знакомые черты... родные и понятные... но если... вывернуть жизнь... наизнанку... то я найду их... еще больше...)

* * *

...меня интересует... визуальная структура... духовных построений... здесь же... в клинике... заставляют изображать графики... запоев... и семейных отношений...

...я живу... между... теорией искусства... и теорией за-
помя... пытаюсь связь найти...

...ползут двое... пьяных... «скажи, Вася... ты меня ува-
жаешь?..» — «...нет, Петя... я тобой горжусь...»

* * *

...вернулся с побывки... в клинику... две ночи — три
дня... подбегает Сашка:

— Вовчик... ты знаешь... я думал... Пашка умер... захо-
жу к нему днем... он спит... через час... тоже спит... с от-
крытыми глазами... думаю — все... готов... но нет... слава
Богу... зато днем ходит... с закрытыми глазами...

(да... думаю... все мы ходим с закрытыми глазами...
хоть посмотрим... но не видим... ничего...)

* * *

...во сне... с двадцать шестого на двадцать седьмое...
показан... большой кусок... краев нет... синего... пепельно-
синего шифона... полупрозрачен... и фигура проявляется...
обнаженная... точно женская... из тумана... большая... воз-
никло название... «Тайная плоть»... и слова... слова...

...не видя... вслепую... записываю на обрывке: «Тайная
плоть... ни больше... ни меньше... где возьмешь — в тай-
не... плоть везде... есть-есть... нет... здесь — там... это из-
весть — известно... тайна... а я — здесь... ноготь... плоть —
платье ее...»

...утром прочел — какая-то шифровка... смысл чувст-
вую... но далеко... тогда еще мог расшифровать... сейчас
утром — нет... уже ушло...

...сосед по койке — мне:

— Ты совсем больной... ночью... в темноте вскакива-
ешь... бормочешь... хватаешь бумагу... пишешь не видя...
потом под одеяло — и спать...

* * *

...врач алкоголику Макарову:
— ...дунь в трубку... сколько промиллей?
— ...а... а... скасофон... (дует... нет ничего)...
...врач перчатки надевает... банку достает...
— ...а теперь... для анализа... мочу...
Макаров штаны расстегнул... напрягся...
— ...мочи нет... совсем нет...
...врач:
— ...не может быть... подождем... через час...
...через час:
— Опять нет... ничего... может, взять банку... с собой?
...врач:
— Я должна... обязательно... проследить... а то вы...
попросите помочь...

* * *

...аспирин глотаю... в ушах звенит... шум крови... в холдном поту стою... на ледяном воздухе... и решаю перебить это стояние... работой... как всегда...
...холсты сто двадцать на сто... заготовлены... ждут... пять килограммов пасты рельефной...
...шпатели... зубьями... мусорным совком... выявил знаки... в рельефе... и к ужину... салат и какао... потом сразу... ко второму холсту... время останавливается... а уже ночь... оставляю сушиться... на полу...
...тут немец-алкоголик:
— ...а если... вдруг ночью... по ним пробежит... мышка?... тып-тып-тып-тып...
— ...супер-перфект... — отвечаю... и чувствую — болезнь уходит...

* * *

...пациент П. Д. (63 года... алкаш... игрок...) лицо фактурное... глубокие морщины... лохматая седая голова... бе-

лая щетина... в новой остроносой обуви... пиджак светлой кожи... музыкант... на контрабасе... еще антиквар... старьевщик... букинист... бармен... сторож... повар... мясник... джазмен... перегонщик машин... рассказал, как попал сюда... допился... пришла идея ехать назад... в Винницу... собрал чемоданы... стал мебель продавать... телевизор сначала... купил его за полторы тысячи... продал за триста... пропил... друзья сказали: «давай... за твой отъезд»... потом холодильник пропили... шкафы... кресла... всю мебель... всё пропили... хата пустая... ни гроша на отъезд... приходит знакомый... из немцев... напильсь... голодные... нашлась пачка спагетти... кастрюли нет... в чайник ее... варить... кусок масла в чайник...

Немец:

— ... не надо... так нельзя... чайник для чая...
...стал маме звонить... что делать?..

Она:

— ...это нельзя есть... он не понимает... что чайник для чая... так запрещено...

...а Паша сварил... все съел... немец еще выпил... и присоединился...

* * *

...подходит Александр (игрок-алкаш-вор-самоубийца)...

— Задумал картину писать... «Родословие Адамово»... небо ночное... череп большой... дерево на нем... маленькие черепа вместо плодов... луна в небе... трава темная... как упавшие яблоки валяются черепа...

* * *

...ходит дедок... все время вмазанный... что?.. откуда берет?.. в клинике?.. оказалось... заходит в туалет... доста-

ет стаканчик... пластмассовый... от лекарств... давит из автомата... для дезинфекции... для рук который... выпивает... и всё... и пошел... и так время от времени...

* * *

...психотерапевт А.:

— ...важен перенос акцента... на плюс... вот один пациент... от него жена с ребенком ушла... он говорит: «...я благодарен Богу за все... за каждую минуту... секунду... за людей окружающих... за тех, кто стремится мне помочь...» ...кто бы из вас так мог сказать?.. вы пришли алкоголиками... алкоголиками и уйдете... только «сухими» или «мокрыми»?

...в этом разница...

* * *

— ...вы такие счастливые... такие...

— ...как... почему?

— ...вы счастливы потому... что не знаете... как вы несчастны...

(...и наоборот — вы несчастны потому... что не знаете... как вы счастливы...)

* * *

...Дашенька (отлетая в Иерусалим...):

— ...папок... через час сажусь на самолет... через день жди энергии с Востока...

...буду молиться за вас...

* * *

...выспался... кофе выпил... с друзьями... пошли курить... анекдоты... шутки...

— Мерседес сбил телегу... со стариком... он лежит... думает... «так... телега у меня... из красного дерева... рысак

орловский»... из мерседеса новый русский... подходит к лошади... та копытом дергает... вставляет ей ствол в ухо... стреляет... к старику поворачивается... «ну... а ты... как себя чувствуешь?»... «н-н-намного лучше... чем раньше!»...

* * *

...другой алкоголик рассказывает... классическая ситуация... муж вернулся из командировки... любовник с балкона прыгает... восьмой этаж... думает в полете: «Господи... помоги... я тебе храм построю... метровые свечи поставлю... в монахи постригусь...»

...падает в помойку... отряхивает перья... говорит себе: «...и надо же... за пять секунд такое выдумать...»

* * *

...«русская примета: если пальто... или ватник... в трусы заправляет... значит, пьян»...

...стояли в кружок... дым пускали... слова вылетали... каждый старался... все рассказчики... все отточено... не первый раз... смех-гогот... один закончит — другой подхватывает...

...все рассказывают... и каждый как бы мне... почему мне?... наверное... потому что старше всех... но потом дошло: я — слушатель... почти не рассказываю... не научился... но слушаю внимательно... а каждый ищет слушателя... или чтоб просто молчал...

...я рассказывать не учился... я учился молчать...

* * *

...тридцать первое декабря... в столовой музыка... громко... но никто не танцует... горячий пунш продают... безалкогольный... гриль на улице... под снегом столики... нажарили мяса... нарубили таз лука... ящик с лимонадом... все алкоголики трезвы... стали звонить после двенадца-

ти... друзьям и подругам... бесполезно... они все давно пьяны... никто внятно слова не произнесет... речь бессвязная... или молчание... так никто и не дозвонился... не поздравил... к утру легли спать... наступил новый год... год Тигра... и я никому не пожелал бы... в новом году... оказаться в полосатой одежде... или в клетке... за решеткой...

* * *

...каникулы новогодние... занятий нет... четыре дня пусты... в мастерской эрготерапии стоят два холста... последние штрихи... «Альфа» и «Омега»... для актового зала клиники... захотели обновить... там висели какие-то кубики разноцветные...

* * *

...еще ждет меня маленький холстик... «Лестница в небо»... рядом с лестницей зеленый змий... стережет... моя тема... хочешь вверх... а он тут как тут... и как от него избавиться?..

...холст «Омега» почти окончен... сначала был простой... светлый... потом дробился... загрязнялся... лишними деталями... следующий этап — обобщение... высветление... время клиники для обобщения... разрозненные кусочки жизни вспоминаешь... собираешь... рассматриваешь со стороны... делаешь вывод... и все по новой... как на холсте...

* * *

...в мастерской Валера (46 лет... алкаш... наркоман... отец в тюрьме умер... старший брат тоже... сам сидел)... делает икону Богородицы... в подарок подруге... она сейчас за него долги выплачивает... раньше шкатулки делал... под мозаику... из цветной проволоки... одна шкатулка — литр водки... «анаша лучше, — говорит, — спокойно

и работать хочется... от водки туман... то на велосипеде кого-нибудь собьешь... то на машине... права отобрали... анаша спокойнее и дешевле»...

...помог я ему... как лик прописать... как одежды... как фон... и захотел еще он... такую же... дочери сделать... сам радуется...

...другой «сокамерник» Юра... тоже Богородицу... матери в подарок... Натали такую же... мужу делает...

...Богородицу делают многие... в русской группе... и алкоголики... и наркоманы... и самоубийцы... и воры... и игроки... в немецких группах этого нет... за кич считают... не понимают зачем... они цветочки делают... да деревца... как в детском саду...

...подходит Павлик... «нет водки лучше Абсолюта... но... опять же... на зрение влияет... как?... попьешь немного — и денег не видно»...

...рядом художник-самоучка Александр:

— Вова... царь Екатерина... был проституткой... она со всеми... и с князьями... и с рабочими... даже из-за границы приглашала... поэтому Ленинград... такой красивый...

...слышу обрывок разговора... врач пациенту:

— Вы пригласите сюда свою жену... я с ней поговорить хочу...

Пациент:

— ...у нее нет денег... как она сюда приедет?... а я ей денег не дам — пропьет...

* * *

...карманник прижимается к пассажиру, а тот ему: «у тебя что?... жизнь беспокойная?..»

* * *

...ночь... полтретьего... на столе у меня... сборник Г. Айги... ему все удачно приходило внезапно... на грани засыпания...

«Зачем тебе, почти несуществующему, искать другого, праха не имеющего?»

...в полусне Айги «услышал» эти строки... они нечеловеческой глубины... сразу не доходят... толком не понимаешь... но что-то чувствуешь... но тут я понял... наверное, по-своему...

...«почти несуществующему» — это я... мы... что мы в сравнении с вечностью... наша жизнь — миг... мы почти не существуем... но — ищем «праха не имеющего»... это — дух... он нематериален... вечен... какой тут прах?.. но — в нас тоже есть дух... его часть... мы — родственники... чтоб слиться... кого еще нам искать?.. найти родственника и... вернуться к Отцу... в этом великий смысл... и ответ на вопрос: зачем тебе?..

* * *

...как говорил мой друг Павел... «иногда открываются такие врата... что видишь себя... со спины»...

...открываю другую книгу... тоже про меня...

«...Ем я с большой жадностью, что и неприлично, и вредно для здоровья, и отнимает часть удовольствия: поспешность при еде у меня такая, что я нередко прикусываю себе язык и порою даже пальцы...

...Я мирюсь с тем, что мне уже не бегать, — с меня довольно и того, что я влачусь...

...О силе и бодрости я не говорю: нет никаких причин, чтобы они оставались в моем возрасте...

Я опустил настолько низко, что было бы нелепо, если бы последнее падение ощутилось мною так, словно я упал с большой высоты. Надеюсь, что этого не будет».

...это писал Монтень в своих «Опытах»... ему было тогда... пятьдесят шесть лет...

* * *

...кабинет двести одиннадцать... беседа с психотерапевтом... один на один... тема — «Эмоции»... объясняю свое понимание...

— Если кривая эмоций... положительных-отрицательных... сокращает амплитуду и переходит в сплошную линию... значит, ты... в состоянии принимать жизнь... такой... какая она есть... какая тебе дана... спокойно... без реакций... особенно отрицательных... а это уже есть смирение...

Психотерапевт:

— Я согласна... но мы в группе... не можем говорить... на таком уровне... и я хотела бы... поговорить с вашей женой...

Я:

— Думаю... разговор был бы ей полезен... она человек сильный... волевой... и считает... что у меня просто не хватает силы воли... бросить алкоголь... В молодости... встречаясь... я всегда покупал коньяк армянский... или какой-то другой... и ей папиросы «Герцеговина Флор»... со временем... она оставила... и то и другое... причем по настоящему... не то чтобы позволить себе... сигаретку-другую... вероятно... она не понимает... что это у меня болезнь... я не могу силой воли...

Психотерапевт:

— Да... у вас алкогольная зависимость... и это болезнь... у нее этого не было... это такая же болезнь, как и любая другая... и силой воли от нее не избавиться...

(«...болезнь дается не для того... чтоб ее лечить... а для того... чтоб сделать правильный вывод...»)

* * *

10.01.2010... еду в поезде... в клинику возвращаюсь... в вагоне табло... высвечивает: сегодня — 26.08.2029...

и время 17:20... надеюсь — доживу... еду в поезде будущего... хорошо... что не прошлого... а то вместо алкоголика... посчитали бы меня... алхимиком...

* * *

...посмотрел в зеркало... голова — кусок грязного слипшегося... снега у дороги... глаза... консервные банки... с окурками И плевками... зубы... старый аккордеон... заскорузлый... прокуренный... с перламутром... затертым пальцами... нос... пятно дырявое... мятого башмака... шнурки свисают... соплей... уши — хвост свинячий... разве это вылечить?.. нет... только свое отношение... к этому изменить... сказать себе: «это прекрасно»... и лечь спать...

Мой нос не похож... на самого себя... глаза не похожи... на самих себя... вся фигура... все чужое... временное... не мое... хочу другую оболочку... из сгущенного воздуха...

Понятно теперь... почему Врубель... любил женские одежды из цветных шифонов... разные цвета... просвечивают... друг сквозь друга... и... ничего конкретно... ни цвета... ни формы...

* * *

...пациент А. М. (алкаш... вор... самоубийца)... еще он игрок... азартный... на аукционе нашел... клиническом... смешном... при цифре шестнадцать сказал тридцать... и забрал... холстик с пейзажем... какой-то самоучка... лодки на озере... хотел подправить его... освежить... и... вписать в этот пейзажик... мой портрет...

— Красиво будет... я уже задумался... ты будешь с трубкой... и веслом...

— Ничего не выйдет... — я ему...

— Почему же?.. выйдет... я знаю...

— Нет... это будет ложь... пейзажик с озером не мой... не для меня... там все для меня чужое... я там не жил...

я житель городской... нарисуй меня лучше... на городской помойке... хочешь портрет — делай его... а не засовывай в картинку... да еще чужую... в чужую жизнь...

* * *

...протягиваю Ольге (алкоголичка-депрессантка) обещанные таблетки...

— ...спасибо... что не забыл...

— ...я ничего не забываю... особенно... если на бумажке запишу... и если вспомню... что надо прочесть... и... если вспомню... где бумажка лежит...

* * *

...подходит П. Д. (алкаш-игрок)...

— ...что ты читаешь?

«Долгие беседы в ожидании счастливой смерти»...

...он рассмеялся... вспомнил... что в прошлый раз спросил... что я привез...

— «Тибетская книга мертвых»... и знаешь ли ты... мою серию графики... больше четырехсот листов... «Пляска смерти»... больше всего в жизни... меня интересовала... смерть...

...мы разговаривали... а у меня на столе стояла... и сохла для обжига... подставка для курительных трубок... в форме черепа... разваливающегося на куски...

...задуматься о смерти надо... пока ты жив... еще...

* * *

...когда... очередной «зависимый»... возвращается в клинику... после трехдневного отпуска... все рассаживаются вокруг... и ждут... что он выложит из сумки... пирожки... селедку с винегретом... пончики... и все угощаются... всё домашнее...

...я прибыл... все устроились вокруг... и я спросил: «у кого-нибудь... что-нибудь есть пожрать?»...

...потом новости... П. Д. рассказывает:

— Меня психотерапевт спрашивает: «что вам нужно... чтобы у вас... не было запоев?..» — «деньги... и только деньги... пять лет я жил при “бабках”... никаких запоев» — «ну вот... вы опять деньги... а сколько денег надо?» — «столько... что их невозможно было бы пропить... дома бар полон... самого лучшего... в любой момент... никуда не бежать... налил стопку... выпил... знаешь — всегда нальешь другую... не спешишь... продукт хороший... похмелья нет... голова не болит... все по-человечески...» — «а вас в детстве били?..» — «да... по вторникам... с двенадцати до двух...» — «у вас... есть хобби?..» — «да... как-то... увидел в продаже... миниатюрный... сварочный аппарат... купить захотел... что-нибудь сварить... скульптурку... из помоечного железа... денег взял... но попал... не в тот магазин... там бутылки... флаконы... аппарата нет... сварочного... так и не сварилось...» — «вы должны иметь мечту... только так... вы можете избавиться... от алкоголя... стремиться к ней...» — «да-да... вы правы... хочу написать вам... заявление такое... “уважаемый доктор... прошу вашего... всяческого содействия... после моего излечения... от алкоголизма... направить меня в команду... подготовки космонавтов... для полета... в космос... это моя заветная мечта... поэтому я и в... Германии... это страна... неиспользованных возможностей... и я хочу использовать... одну”...» — «вам надо начинать... новую жизнь... как только... оставите алкоголь...» — «...мне поздно начинать новую... жизнь... мне бы... закончить старую... а как насчет... космической адаптации... ведь я готов... жен всех оставил... денег лишился... имущества... квартира пуста... всё продал... но инициатива должна... исходить не от меня... пусть группа подпишется... под бумагой... просьбой

о запуске... в космос... никто не откажется... перешлем начальству... космос — моя заветная мечта... будет дру- гая жизнь...»

* * *

...интересное место... клиника... кто... где и когда... ме- ня спрашивал: что я хочу от жизни?.. какая моя цель?.. что мне мешает?.. и как этому помочь?..

...клиника снимает... со всех маски... подделываться под кого-то... играть роль... почти невозможно... ты гол... как есть...

...клиника... место после... жизненной суеты... перипе- тий... киданий... беспокойств... можно остановиться... ог- ляднуться... увидеть себя... со стороны... сбоку... снизу... сверху... собрать все воедино... сделать вывод... в чем смысл?... для чего ты?..

...«излечится» тот... кто нашел себя... свою цель... свой путь... ему все в помощь... никакие таблетки... всего мира... это не решат... не поиск правильных медикаментов... а поиск интереса к жизни... самореализация... мое больное место... когда обыденность и рутина... разъедают... не ви- дя цели... начинаешь постепенно... себя уничтожать... за- туманивания не надо... когда путь ясен... («Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зелени».)

...новый пациент... четыре дня в коме... пил... пил... ос- тановился... на третий день явились они... глюки... убить хотят... он им:

«...вы?.. да я сам себя»... и за нож... скорая увезла... ко- ма... хотели уже отключить...

— ...и вы сделали вывод... почему?

— ...да... я думаю... зачем я жив еще...

Пациент П. Д. (алкаш... кодировали... антабусом поили... «эспераль» зашивали — пустая трата денег):

— ...нет... жизнь такая... что на нее... трезвыми глазами... смотреть невозможно...

...еще новый пациент... лет сорок пять...

— Как попал?

— Жена сказала: «Разбегаемся — я влюбилась... по интернету»... взял ящик алкоголя... заперся в ванной... стал вены пороть... вызвала скорую... откачали... через неделю опять... разговор... ящик... вены... опять успели... привезли сюда...

...алкоголь поднимает... наше сознание... на другую степень... мы избавляемся от страха смерти...

...в курилке сидят... прожженные женщины... рядом... мнутя алкоголики... которые каждому... воробью честь отдают... проходит П. (алкаш-игрок):

— Когда опишу свою жизнь... это будет моя «Майн Кампф»... но назову... «Майн Кайф»... как-то... в отделе кадров... сказали: «Это ваша трудовая книжка... вы хотите сказать?.. да это... путеводитель злчных мест: бармен... проводник пассажирского поезда... рубщик мяса... саксофонист в ресторане... приемщик стеклотары... перегонщик автомобилей»... Как в футболе... всю жизнь... хотел быть нападающим... а меня использовали... как мяч...

...в Киеве очередь... у посольства... на выезд... холодно... три часа ночи... кофе хочу... полцарства за коня... подходит женщина... пожилая:

— ...вон видите... окна светятся?.. пойдите туда... там на столе кофе... пейте...

— ...как я приду?.. как сказать?..

— ...скажите... я сказала...

— ...кто я?..

— ...мама...

...захожу... лежит голый мужик... худой... весь в татуировках... плашмя на кровати... вскакивает девица... рыжая... с носом... глаза зеленые...

Мужик:

— Маня... водка в холодильнике... налей ему...

Маня:

— Все люди везут в Германию посуду... столовое серебро... а она везет... самое лучшее... что нашла в Одессе... посмотрите на него... это же Третьяковская галерея... Рембрандт... наверное, для того... чтоб немцев пугать...

...возвращаюсь в очередь...

— Я вижу... ваша жена таки да... а вы таки нет... да?..

— ...таки нет...

— ...но... может... что-то немножечко есть?..

— ...нет... таки нет...

— ...зачем же вы едете?.. за женой?

...появляется психотерапевт... П. к нему:

— ...боже мой... солнышко наше... наконец вы опять с нами... вас не было — и процесс остановился...

— ...ну... что вы... не надо так...

— ...а как вас называть?.. — доктор?

— ...ну... нет... просто гер Б-с...

— ...нет-нет... не могу... вас при всех... хером называть... язык не поворачивается... вот будем один на один... тогда можно и назвать...

... (он же)...

— У меня была рабочая одежда... тройка... трусы... майка... и фуфайка... ботинки рабочие... на босу ногу... алюминиевой проволокой перевязаны... принимал стеклотару...

...П. (играет в карты... поворачивается):
— Володя... держись... береги себя...
— Это ты к чему?
— Чтобы у нас... хватило сил... выйти и покурить
еще...

...наша группа «зависимых»... русская секция... все
комнаты сходятся... в одну... общую... музыка здесь посто-
янно... русская... тюремная... воровская... бандитская... ху-
лиганская... ее тонны... нутро выворачивает... крик души...
песни «неразрешенные»... без заказа писанные... на эстраду
не рассчитанные... жизнью оплаченные...

...рядом немцы... англичане... итальянцы...
— У них есть такая?.. откуда?.. ее же надо перестра-
дать... перемучаться... а у них тюремное отбывание... как
в спортзале... они не осознают тюрьму... как часть своей
активной жизни... для них жизнь там... на воле... а здесь ее
нет... так зачем песни писать?.. никто не заказывал... ни-
кто не оплатит... кто оплатит крик души?..

* * *

...визит к доктору Б... симпатичный... пожилой немец...
и все по справочникам... энциклопедиям... вырезки из га-
зет показывает... где реклама препарата...

— ...ваш группа... очень много... старый лошадь... вы
не можете... бежать как... молодой лошадь... потому что
вы... старый лошадь...

— ...а я кентавр...

— ...да... еще мы будем... засовывать... вам... мазь
в глаз... закрыл глаз... и мазь идет туда...

...пациент М. (45 лет... алкаш... игрок... самоубийца)...
биографию рассказывает:

— Я родился мертвым... бросили в таз... с холодной водой... ожил... но потом отец... хотел убить... только в четвертом классе догадались... что я глухой...

Психотерапевт:

— Вот вы вернетесь... еще играть будете... на деньги?..

— Буду... а как же... долги отдавать...

— Вот... в разделе хобби... написали «водолаз»... это как понимать?..

— А-а-а... я люблю в воду нырять... с трубкой... и маской... водолазить...

Психотерапевт интересуется... у М. спрашивает:

— Вы любите выпить?

— Нет...

— А в глубине души?

— Это где?.. в заду, что ли?.. вообще... нет... а нальешь — почему бы и нет... мой отец говорил: «если всю мою выпитую водку... перевести обратно... в пшеницу... то можно... кормить Кубу... два года...»

...отпустили домой... на три дня... приехал... решил к товарищу пойти... пришел... а там пьют...

...не пьют... а жизнь продолжается...

...постоял... выкурил сигарету... решил пойти к другому... подхожу... слышу: «жизнь продолжается»... махнул рукой... пошел домой... вот и весь отпуск...

...в Зоне как?.. по первой ходке... делаешь татуировку... часовенка с куполом... по второй ходке... купол прибавляется... по третьей еще... так некоторые обрастают... соборами... куполами... крестами... ходячий храм... колоколами звенит...

...за ужином обсуждали... какую наколку сделать... в память о клинике... Дауне... например... бутылка... вокруг

нее... змея в короне... и полукругом — ДАУН... или бокал... с зельем... вокруг змий... штопором...

«Змей не дурак... но любит выпить».

...многие остановились на простом... выколоть на шее... одно слово: «Даун»... и все ясно будет...

...пациент Ю. (40 лет... алкаш... но больше наркоман):

— Служил в Праге... познакомился с девушкой... вернулся... девушка хорошая... переписывались... решил поселиться... в Прагу поехал... месяц жил с ней... потом она на экзамены ушла... я встал и уехал...

Терапевт:

— Как... почему?..

— ...анаша кончилась... а что без нее делать?..

— ...утром... в мастерской эрготерапии... М. А. (игрок... вор... алкаш... самоубийца)... рисует... на холсте акрилом... зашифрованную лесбийскую любовь...

— ...внезапно... сзади психотерапевт возник...

— ...вот-вот... какие красивые цвета... розовый... голубой... а то вы мне... в подарок... собаку нарисовали... рядом тело лежит... бутылка в руке... все в темных тонах...

...подходит... рассмотрел...

— ...нет... вы это бросьте... это уже секс...

М. А.:

— Я хотел... рассказать вам сон... подхожу к окну... открываю... красивая природа... солнце... луга... вдруг... появляется девушка... очень красивая... и у меня... растет... растет... к ней... тут вижу... трамвай едет... из-за поворота... я испугался... закручиваю обратно... тут я проснулся... и икнул...

— ...приходи в два часа... будем решать твой вопрос...

...конечно... все делают вид... что нас лечат... а мы делаем вид... что лечимся... впечатление такое... неотвязное... и нельзя нарушать правила... бессловесную договоренность...

«Никогда не принимайте жизнь слишком всерьез — все равно вам из нее живым не выбраться», — очень умный человек сказал... мне бы научиться... здесь?..

...передо мной... на столе... череп... глина обожженная... только из печи... сверху несколько слоев глазури... наслоились... как этапы жизни... вид раскопчный... темный... со сломанными костями... без глаза... с одной глазной впадиной... куда курительную трубку вставляю... зажигалки в выемки... для носа... подставка такая... смешная и страшная... для курительной... для комнаты отдыха... или работы... только потом вспомнил... в монастыре... на Афоне... длинные полки... в ряд... до потолка... на них — черепа... темные... светлые... черепа монахов... на лбах надписи... «иеромонах Никодим... 1886 год»...

...смотрю... а у черепа моего... на лбу... подпись моя... размашистая... в три знака... как на холстах... моих... автопортрет, значит...

...ночное чтение... «Тибетская книга мертвых»...

«Умерший не знает о своей смерти»...

«Дерево будет лежать так, как оно упадет. Но не вечно»...

...среди алкоголиков и наркоманов... группы нашей... по рукам ходила книга... название которой... никто не в состоянии был запомнить... «Советы брачующимся, замужним и страстно желающим забракаться»...

...все хотели жить дальше... как-то устроиться...

* * *

...подходит П. (алкаш-игрок):

— ...ты знаешь... наших сразу можно узнать... тельняшка... штаны «Адидас»... обязательно с полосами на боку... носки белые... ботинки загнутые... а в праздник — пиджак электрический... бархатные лацканы... стеклянный галстук... рубашка... как доменная печь...

И обычный текст: «нет... разочаровался я... в Германии... за семь лет... думал — жизнь... у нас лучше... сядешь за трактор... и перед тобой горизонт... справа бутылка... самогона... слева другая... сделал четыре полосы... тут и твоя... на мотоцикле... «Урал был... с коляской... полно жратвы... и термосок... а тут что?..»

...подходит А. (игрок-вор-самоубийца):

— Владимир... дай зажигалку... а что думают акулы... когда жрут писателя... тремя руками... и какой у него вкус?..

«Закури... и будь спокоен... когда знаешь... что достоин... удержи дыхание»...

* * *

...в пустой мастерской... рисую график... кривую жизни... своей... «курву»... как здесь говорят... сижу в Дауне — маую курву... склеил пару листов... на шестьдесят пять лет... жизни... и смотрю... на себя со стороны... прыгает взгляд по кривым... и дугам... треугольникам и квадратам... красным-черным-синим... по секциям: семья... образование... употребление... здоровье... хобби... обозначил точку отсчета... начала алкогольной карьеры... написал «старт»... черным фломастером...

...объяснил... критические точки срыва... «рюк-фаль»... в трех случаях:

— главная точка... срыва... — неприятности... разрывы... смерть близких... крах цели... облом идеи... или просто... плохое настроение (все на основе отрицательных эмоций)...

...эмоции положительные — вторая критическая точка... праздники... банкеты... дни рождения... выставки... или просто возбужденное... приподнятое настроение...

...третья точка — жизнь рутинная... однообразная... серая... чтобы встряхнуть ее... и себя... готов на шаг неопозволительный... на все... что угодно...

...правда... есть еще одна... четвертая... если сообщат... что болезнь неизлечима... смертельна... и осталось немного... тогда... возможно... устрою «красивый уход»...

...в остальных случаях... вероятность срыва... намного меньше...

...днем добавляю дуги... восхождений... и падений... в своей «курве»... надо показать... влияние извне... космическая молния... и я иду в магазин... еще мелькнула — я еще... потом в клинику...

...скоро уезжать... и в последний раз... мне выдают холст... для работы... холст старый... кем-то записанный... две кошечки... на черном фоне... большой кистью... быстро... все прописал... две полуфигуры... большая и маленькая... между ними красное пятно... напряжение... как бы отец с сыном... прощается... с блудным сыном... сразу родилось название: «А на прощание...»

...сама по себе... родилась «Даунская прощальная»... исполняли вприсядку... и громким голосом:

Даун-Даун-приседаун...
Клиник-финик и рюкфаль...
Закажи себе молитву...
Душу выставь на алтарь...

...вступает хор алкоголиков:

Братья-сестры-политоксы...
Игроки и алкаши...
Где платить такую таксу...
Чтоб звенело у души?..
Даун-Даун-приседаун...
Клиник-финик и рюкфаль...
Все отдал — глоточек водки...
Лишь его я не отдам...

Хор:

А нажму я на педаль...
Вот и вся моя рюкфаль...

(...какое счастье... расставаться с Дауном... наверное...
я вылечился...)

...сын Илья:

— А может быть срыв... рюкфаль... это недостаток
энергии?.. срыв... когда нет сил жить дальше?..

...Илья за рулем... везет домой... из клиники... тают
снега... небо чистое — голубой платок...

— Илья... как ты думаешь... что в моем характере...
надо изменить... к лучшему?.. я хотел бы... как приеду...
каждому задать этот вопрос...

— А ты сам... как считаешь?..

— ...ну-ну... неуважение к себе...

— ...тебе нужна... обратная сторона медали... неува-
жения к себе...

...позже дома... на кухне:

— Дашенька... я хочу тебя спросить... что я должен... изменить в себе... к лучшему?.. ответь... я хочу все обдумать... и работать над этим...

— ...да... папа... надо быть сильным... чтоб задавать такие вопросы... хорошо... я обдумаю... и скажу тебе...

Кёльн

ШЛЯПА С ПОЛЯМИ

Так на холсте каких-то соответствий
Вне притяжения жило Лицо.

В. Хлебников

Это было время, когда, увидев милиционера, переходил на другую сторону улицы.

И каждые две недели ко мне в мастерскую на Солянку приходил оперуполномоченный. Проверять. Как я рисую. И что. Иначе — за 101 километр. Ведь из моей мастерской был виден Кремль.

Середина 80-х. Кухня на Казанском переулке. За окном глухая стена французского посольства. Пьем черный чай. По-настоящему черный. Хрущ заваривал. Курим. Помню — считал. По восемь трубок за ночь.

«Чай и табак — это вставляет», — слегка заикаясь, говорил Хрущик. Закапываем кресло на кухню. Хрущик укладывается поглубже, как в гнездо. Шляпу на глаза! Ноги на батарею. Стекло кухонной двери плотно прижималось к креслу.

У Хруща цепкая память. Всё обточено. Какие-то сюжеты, которые часто повторялись. Как у него в кармане план Исторического музея. То есть всех под-

«Я не то чтобы хотела покончить с собой, я хотела заснуть и не проснуться, а раз мне это не давали, я хотела плакать — такова моя жизнь в черной Москве с красными флагами».

Ирриш

валов и переходов. А в это время наверху, в залах музея, проходила выставка скифского золота. И он не мог себе простить, что этим не воспользовался.

Серьезно это или нет? Байка. Очередная. Потом следующий сюжет. Всегда интересно и неожиданно.

Как-то я ему сказал: «А у тебя все готово. Только записать — и будет книга. Как бы ты ее назвал?».

Хрущик (тут же): «Окорок, душа и анкета для заполнения».

Я вспомнил его текст в каталоге (середина 70-х): «...по профессии печник. Живу на сбережения бабушки».

В конце 70-х я сделал портрет Хрущика на Чижикова. Он очень оби делся. Но ничего не сказал. В ответ сделал мой, но так зашифровал знаками, что неясно, кто это.

Я б на его месте тоже обиделся.

Грязная «стэтсэновская» шляпа.

Она была хороша. Но как-то мы зашли в московскую чебуречную на Сретенке. Сначала Хрущик бросил шляпу на скользкий столик. Уходя, прихватил жирными от чебуреков пальцами. Теперь шляпа по-настоящему стала «родной».

Еще на портрете был изображен жировик на щеке. Он уже был со сливу (потом его вырезал знакомый хирург в самый последний момент).

На портрете огромную курительную трубку охватывала неуклюжая ручонка. И это при необыкновенно пластичных пальцах Хрущика.

Такой же вопрос о названии я задал Вагану за две недели до его смерти.

— «Бегемот и деньги», — сказал он.

— Но будут считать, что бегемот — ты.

— А мне по... (что значит все равно).

И было по нему видно, что это так. Тогда я в два дня написал его портрет.

Сверху, над головой, он оставил свою подпись по-армянски.

Линялая, перепачканная краской майка, надетая наизнанку. Вечный хохолок на затылке.

...И надпись по фону: «Табак утром и вечером».

Курили, меняли перегретые трубки. Все были фирменные, никакого фуфла Хрущик себе не позволял.

В перерывах — сигареты. И крепкий чай. Ворованный. Зубы табачно-чайного цвета. Когда хихикал.

Моя маленькая Дашенька:

— Папа, а Хрущик такой красивый!

— А что красивое?

— Зубы.

Она воспринимала его особенно.

— Папа, а собак в метро пускают?

— Нет, конечно.

— А почему Хрущика пускают?

Это время, когда собака была эталоном.

— Мама, ты такая хорошая, как морская свинка или хомяк.

— Может быть, как собака?

— Нет, собака лучше.

В 1975 году Хрущик объяснил мне, как заправлять трубку табаком. Не вынимая из пакета. Чтоб не рассыпать драгоценный табак. Потом «раскочегарить». И что «от хорошего табака дым, как молоко». И что от Чижикова до бульвара — одна трубка.

Хрущик предпочитал трубки прямые, английские, крупных размеров — «с большой колбой».

Мой друг учил курить табак сам с дымом улетел...

*Разрушенный дымом
пространств
счастье твое берегу
курильщик*

Сцена на Чижикова (конец 70-х).

Двери распахнуты. Всё в состоянии постоянного ремонта. В углу мешку цемента уже пять лет. В другом — несколько кирпичей и стекла стопкой.

На стенах доски с помойки.

На них наклеены кружева.

Изящно промазаны малярной краской.

Огромное окно, разбитое на квадраты.

Под ним длинный стол.

Стаканы, черные от чая.

Рядом гнущее кресло-качалка. Для гостей. В нем сидит длинная голландка и курит маленькую голландскую трубку.

Рядом с трагическим лицом сидит Хрущик. Он курит огромную английскую трубку. Молчат.

Объединяет только трубка.

Точнее — голландский табак.

Если отодвинуть кресло-качалку, то в полу будет дверца.

Хрущик открыл ее.

В темноте засветился унитаз.

Прямо вниз.

К нему ведут три-четыре гнилых ступеньки. И садись.

У Хрущика был свой туалет.

По-моему, дверцу в полу Хрущик открывал ключом. Весомое количество ключей, самых невообразимых, висело на цепи.

Цепь крепко приделана к джинсам и опущена в карман.

Хрущика явно при ходьбе клонило в правую сторону.

Какой состав моей крови? Золотая мозаичная пыль на крепчайшем спирту.

«И чего зря нарываться, когда деньги не платят, а погода хорошая».

Ириш

Архитектор стаи рыб (он есть — я знаю теперь) как архитектор облаков, цветов на полях, движений людей, событий.

Архитектор человеческой истории.

Вечная шляпа на голове.
С загнутыми полями. Или прямыми.
Не шляпка. Не местное производство. Не
«самопал». А лучших фирм.

«СТЭТСОН».

Если Хрущик снимал шляпу, он как
бы терял половину себя.

Не только в росте.

Шляпа с полями ловила импульсы.

Концентрировала энергию.

На ее полях собирались биополя.

Она окуривалась трубочным дымом
лучших сортов. Магических.

Дашенька:

— Знаешь, какие слова я люблю?

Пескарь.

Хрумкать пескаря.

Хрущик хрумкал пескаря.

Сейчас в левой руке у меня дымится
трубка. Прямая, с медным кольцом.

По меди резаны листья. Узор не
кончен. С левой стороны кольца цифры
1982, с правой — буквы ХВ.

Кольцо и резьбу сделал Хрущик.

В 82 году я купил у него эту трубку.
За тридцать рублей.

Вероятно, она была продана только
потому, что мундштук не вынимался
из-за плотного кольца.

Конечно же, Хрущик ничего не ска-
зал.

Прочистить ее было невозможно.

Пропорции и качество трубки были
классических традиций. Англия.

Сон на 21.1.05

*...как синяя чешуя
рыбы или розовые пе-
ликаны перья, все про-
свечивало, мерцало.*

*И все можно взять и
поменять на что-то
другое.*

*Уйти за внешний
облик — тема жи-
зни, работы. Не ви-
деть внешнее. Рас-
творить его.*

*Люблю людей, за
внешностью которых
нескончаемая литур-
гия.*

*Структурирован-
ное духовное тело.*

*Во сне: Воздух. 14 век.
Каждый день ищущий и ускользающий.
Рана — верхушки де-
ревьев.*

*Воздух двадцать
первый.*

*Воздух середины и
конца.*

Воздух. 21 век. Оно.

Я залил коньяком трубку на ночь.

Смола растворилась. Трубка ароматизировалась. И теперь обычно из нее курится табак специальный, пропитанный виски или ромом.

Как-то на Пасху я зашел на Чижикова.

Хрущ в новых домашних тапочках. На них свежие буквы. Праздничные. На правой — Х, на левой — В.

— Неужели «Христос воскрес»? — ужаснулся я.

«Хрущ Валентин», — был ответ.

Тогда же у Хруща увидел я необыкновенной красоты портрет.

Исполнен как бы дымом и мельчайшими штрихами. Нерукотворный.

Но все же рука Хрущика.

Он и объяснил, что дело в фиксативе. Его не было. Пришлось фиксировать рисунок сладким чаем.

На сладкое налипли мошки, комары, мухи...

Никто не знал. Все высохло. Прошло лето. Когда Хрущик смахнул тряпкой лишнее, остались одни лапки.

Счастье увидеть работу художника (гения) не в окончании, а в процессе.

В Лондонской национальной галерее выставлен неоконченный холст Леонардо. Умбра, кость и белила выявляют форму из общего тона.

Точно свет постепенно нарастает. Но цвета еще нет. Его и не надо. Видимо, Леонардо «раскрашивал» уже потом, когда все найдено.

Лестница Якова — фигуры падающие и порхающие. Как жизнь эта. И все объединяется в это.

И они.

«Илюша, а где твой карнавальный костюм?»

Даша: «А он у него под одеждой. Разденется, а там у него костюм Адама».

«Мой стиль? Как можно описать пение птицы?»

Пикассо

Из дневника: «...какая должна быть работа — словно знак водяной на свету проступил».

«Ощущение гармонии длится не более секунды, более человеческое существо выдержать не может.

Ф.М. Достоевский

Для массового зрителя.

Сама работа многое при этом теряет. Так как опускалась из духовного (светового) пространства в чувственное (цветовое).

Англичане умно выставили этот шедевр. В отдельном, затемненном зале. Он постепенно высветляется для входящего.

Входя в темноту, нужен свет.

О цвете он не думает.

Хрущ не понимал букву «Щ».

Хотя она и присутствует в его фамилии. При мне он писал записку Щукину. Написал — «счюкину». Конечно же, с маленькой буквы.

Вспоминал, что пошел в первый класс по крышам, влез в окно. И со своими папиросами.

В 1955 году директор одесской художественной школы был без глаза и с фамилией Горб. Милейший человек. Голоса его я не слышал. Общался интеллигентно, на импульсах.

Хрущик тогда был другой.

Чистый, упитанный.

Грудь колесом, ученическая форма застегнута на все пуговицы. Только форма, другой одежды не помню.

Иссиня-черная щетка волос.

Смуглое круглое лицо.

Умные узкие глаза.

Лучшего рисовальщика не было.

Натюрморт с уткой, безупречной красоты.

Древние обладали свободой делать ошибки. Даже выбора ошибок. Например — обратная перспектива дает эту свободу. Она многозначна и допускает разные изображения одного и того же.

Сон на 28.02.05

(о жизни) ...или спектакль продолжается или действие повторное, но спектакль.

В натянутой струне вся нота жизни — ля. (Не соль.)

19.1.02

— Что я могу сказать? Только то, что ничего сказать не могу. Поэтому изображаю. Смотрите — и каждый увидит то, что увидит.

Точными короткими штрихами.
Нежнейшими полутонами.
Он ничему не учился.
С этим рожден. Просто проявлялся.
Постепенно.

В глубине его работ я всегда вижу
чистоту, ясность и выверенность древне-
го японского искусства.

Несмотря на любую внешнюю не-
ряшливость.

Этому научить невозможно.
Чувство композиции, которое поте-
ряно.

Чувство формы нездешнее.
Кем он был в предыдущей жизни?
Два-три взмаха стамеской.
Где-то потерто цветным мелком.
Что-то пропитано акварелькой.
Процарапано шариковой ручкой.
Из помоечного обломка какой-то ста-
рой мебели — живая рыбка.

Просто обманка.
Такую не раз хватали, чтоб закусить.
Как-то в Москве мы зашли в храм
Иоанна Воина поставить свечку.

Хрущик замер перед Распятием.
Приложил шляпу к груди.
Почти не дышит.
Я подошел и увидел замечательной
резьбы Распятие. Нераскрашенное. Из
ценного дерева. Цельное.

Глазами Хруща я проследил каждый
поворот стамески.

Мастерская работа.
Выйдя из храма, Хрущ точно опреде-
лил, за какое время он сделает такое же.

*Дашенька: «Как хо-
рошо, что пальцы на
ногах показывают на-
правление».*

*60-е-70-е-80-е годы.
Ушло святое по-
коление людей «на
троих».*

*10.1.2000
В эпоху сверхдело-
вых и карьерных лю-
дей есть особое досто-
инство оставаться
самим собою.*

*Сон на 12.7.01
«...изображение ды-
хания важнее самого
художника».*

*Дневник 13.11.95
«...что-то успокои-
лось, что-то завер-
шилось, что-то про-
яснилось (после уда-
ра лицом о мрамор-
ную доску стола);
что-то произошло,
ушел какой-то страх».*

В журнале «Аполлон» за октябрь 14 года перечислены семь духов, помогающих иконописцу в работе.

Седьмой — дух Святого страха — напоминает, что ты ничего не можешь (от себя).

Тут же, неподалеку от храма, был антикварный. Хрущик не упустил случая туда зайти.

Он знал толк в старье. Не знал, а чувствовал. С порога он попросил две наполеоновские вазы. По 10 тысяч каждая (это притом, что в кармане нет и на пачку сигарет).

Не смущаясь, со знанием дела, Хрущик рассматривал фирменные знаки. Продавец покрывался потом, когда он их переворачивал, вертел так и сяк, стучал пальцем, прислушиваясь к звону. Заикаясь, Хрущик узнавал, сколько еще таких ваз и сколько еще они будут в продаже. Указывал на трещинку. Другую вазу просил оставить за собой.

Приподнимал шляпу. И мы уходили.

Хрущик знал много фирменных знаков. Старинных. И придавал им огромное значение. Старался коллекционировать. Школу он прошел еще на Староконном. Потом он не пропускал ни одного антикварного.

Как-то я показал ему свои рисунки на металле. Серия разных типов.

Из сумасшедшего дома.

Всё с натуры. Документ.

Сразу же вопрос: «Какими резцами?».

— Голландскими, — соврал я. — Клеймо — обезьянка в короне.

Как работать?

Или, как сказал знакомый:

«Надо рубить фишку — пипл скушает или же пипл не скушает».

Сон на 21.9.015 утра

Такой текст:

«Первые рано открывают глаза и видят, как они живут.

Вторые поздно открывают глаза и видят, как они мертвы.

Третьи вообще не открывают глаз, потому что они не спят вообще».

Вот больница, а рядом магазин. Я захожу в теплый, наполненный дымом и разговорными магазинами.

А внутри меня прожигаящая мысль. Что мне надо не сюда, а в больницу. Но я не иду, потому что там нет людей, знающих расположение звезд. К звездам ближе люди у магазина. На скамейках. Но будущего здесь нет. Здесь хорошо мне известно прошлое. Этот запах масляной краски, смешанный с запахом коньяка.

Хрущик задумался. Такого клейма он не знал. Не сказал ни слова.

А самодельные резцы были куплены с рук в Строгановке.

Как-то отвечал на вопрос о том, как я работаю, одному искусствоведу (в штатском).

«Выпью полбутылки портвейна — остальное — на холст. Покурю — посыплю сверху пеплом из трубки. Окурком проведу пару линий. Потом все закрепляю лаком для волос “Прелесть”».

Лиечка Орлова добрый ангел и друг московских неформальных художников, многих спасла в 70–80-е годы.

Работая в издательстве «Искусство», она обеспечивала работой и их.

Но в какой-то момент она увлеклась.

И забыла, что сама художник.

Решила посетить свою мастерскую.

Открывает с трепетом.

Видит — кто-то лежит. Мягкий.

В невообразимом прикиде.

Быстро вскакивает.

Изогнувшись, галантно целует ручку Лиечке.

И высоким голосом: «Х-Х-Хрущик!».

Что это? Условный знак или ключевое слово? Она не поняла.

Она не была в Одессе.

Но запомнила.

После каких-то праздников я был несколько возбужден. Но денег не было. Проходили мы с Хрущиком около памятника. Димитров. Нога вперед. Рука вперед. С кулаком.

Баранки с солью в московском подвале хрустят, как уголь по холсту. Всё идет на прорыв.

И сквозь один план просвечивает другой.

Сквозь магазин — больница. Сквозь больницу — храм.

Помню — вот я снимаю со стены мастерской большую икону Богородицы Тихвинской — и за окном забили колокола.

В скожканность ворвалась чистота.

Я воспринимал все, в сей миг происходящее, так, как будто это уже давно произошло.

После концерта никто не встает и не благодарит скрипку (которая сыграла, т.е. инструмент).

Как Лиечку, еврейку, держали в московском издательстве столько лет — непонятно.

Ведь это было время, когда партработники говорили о картинах М. Шагала: «Евреи, да еще летают».

Хрущик от кулака в восторге.

Останавливает московскую девицу и интимным полупшепотом: «А что у него в кулаке?».

Но возбуждение не проходило.

И надо было его загасить.

Хрущ все понял.

И повез в метро непонятым маршрутом.

Временами доставал массивную связку ключей. Перебирал.

Спальный московский район.

Многоэтажки. Темно.

Куда-то входили.

И на какой-то этаж.

Хрущик ловко открывал замки.

Видно, что место ему знакомо.

Одна стена — золотая черепица икон.

За дверцей стеклянного шкафа — набор бутылок.

Хрущик наливал из лучших.

Особенно коньяк.

Себе ни капли.

— И ты что, уже никогда?

— Нет — если только выбор — петля или стакан.

Сережа Ануфриев однажды имел неосторожность, когда говорил о многогранности души человеческой.

Он сказал (27.6.86): «Человек как граненый стакан, светится то одна грань, то другая. Мерцает то внутренняя, то внешняя. Граней много, и они разные».

Хрущик: «А я как старый алкоголик интересуюсь только тем, что внутри стакана, и мне наплевать, какие грани при этом светятся».

Главное — чем стакан наполнен».

*Семейные невзгоды
бывают тогда, когда
есть семья, — и это
счастье.*

*Творческие мучения
тогда, когда есть
творчество, — и это
счастье.*

*Житейские страдания — когда есть
жизнь. А это великое
счастье.*

*«Пока живешь, будь
мертвым, совершенно
мертвым, а затем
ступай, как хочешь,
потому что тогда все в
порядке».*

Лао Цзы

9.9.94

Когда птица летит — ее нет нигде.

Когда птица летит — она везде.

(Думаю — это разное восприятие мира Востоком и Западом.)

Это как почтальон. Неважно, в какую одежду он одет и на каком велосипеде приехал. Важно — какую почту он принес.

В 87 году я сделал не менее трех портретов. Хрущика. Возможно, и больше. Но в дневнике зафиксировал три.

2 ноября — на большом оргалите маслом. Парадный. Поколенный.

Шляпа прямая. Трубка.

Дым. Как после битвы полководец.

Но спокойный. Царский.

А 24 декабря еще два Хруща.

Один — небольшой. Меловая бумага. Акварель.

Другой побольше. Красная сангина. Соус черный. Гуашь. На коричневом картоне.

На них редкий вариант Хруща.

В ночном колпаке, высоком, точно у кавказских пастухов. Шерстяном и рваном. В этом колпаке он спал на столярном станке в ЖСК.

Старенький свитерок с вытянутым воротом. Во рту редкая для Хруща гнутая трубка. Впервые. Жизнь прогнула.

Тоска-печаль всего облика.

Огромная усталость. Бездомность.

Этот портрет сконцентрировал в себе все предыдущие. Всех периодов и состояний. В этом облике Хруща они мелькают мгновенными кадрами, собираясь в один.

Рембрандт. Если бы получилось.

Если мы начинали с Хрущиком ходить по мусорникам и грустными глазами рассматривать хлам — значит,

скоро предстоит совместная работа.
Внутренний зов. Настало время разбрасывать камни.

Мастерская Васи Рябченко великодушно до утра.

Куски оргалита, картоны от ящиков, столешницы, дверцы тумбочек и прочая, прочая.

Подходила в работу почти любая поверхность.

Музыка на полную катушку.

Дешевый портвейн. Хрущину — чифирь.

Когда падали сумерки, начиналось действие.

Бралась дверца.

Один из нас делал мазок.

Лучше неожиданный. Невразумительный.

Предоставлял ход другому.

И ответ еще более неожидан.

Ты так. А я вот так. Нищак.

Игра посложнее шахмат.

Но проще, чем перетягивание каната.

Каждую секунду в голове миллион вариантов. Только выбирай. Лучше такой какой не ждал ни он, ни ты.

Особенно приятно мазнуть поверхность неудачного. Своего или не своего Хрясь! — и все разрушить.

По стенам течет краска, лицо в брызгах. Начинаешь пальцами выявлять пятно.

И вдруг неожиданно какой-то заколючкой объединять. На разрушенном построить новое.

Разрушить холст и в три мазка построить новый.

А так как критерии и оценки у нас были одинаковы, то лучшие места мы оставляли. Делать ход только по неудачному. И без обид.

С молчаливого согласия.

Только так вся плоскость действий может прийти к логическому завершению. К гармонии.

Необъяснимой. Прочувствованной внутренне.

Помню, одна работа явно не получалась. Не находилось решение.

Мы понимали оба, но не обменялись ни словом.

Вообще, за всю ночь не более трех слов.

Понимая, что с этой плоскостью нам не справиться, пишем крупными буквами по всему полю: всё это эстетство.

И это оказалось окончательным решением задачи.

Работа получилась. Состоялась.

Потом шедевры подписывались. Каждый с той стороны, какая больше нравится.

Хрущик заикался: «Все мы х-х-художники. Только один ч-ч-член, а другой не член».

И когда члены правления расселись в автобусе куда-то ехать, и шофер высунулся с криком: «Так куда едем?!» — Хрущик всех оглядел и ответил: «В газовую камеру».

«Праздность — сестра таланта».

Надпись в мастерской

В Турции приснилась фраза: «Жизнь — это десятки тысяч лет, перевернувшиеся в нас жизнью».

*Рассказ В. Немухина
«Они там (в Париже) работают, чтоб получить удовольствие, и покупают их поэтому».*

Хрущик был непрост на подъем.
Чтоб куда-то ехать.
Сколько раз слышал, как провожали
его на вокзале.
Хрущик со всеми обнялся. Расцеловался. Вошел в вагон. Прошел насквозь.
И вышел через другую дверь.
Смешался с толпой.
Все машут вслед уходящему вагону.

Как-то уговорил он меня ехать с ним в Молдавию. Его приглашали оформить охотничий дом.

Резать по дереву для начальства.
Он почему-то никак не мог собраться.
Не мог один.
И мы даже взяли билеты.
За час до отхода поезда Хрущик штукатурил стену. Потом строгал доску. За двадцать минут до отхода поезда стал ставить чайник. Расставлять чашки.

Он явно не понимал время.
Или не хотел.
Но билеты куплены.
И я стою с вещами на выход.
Пришлось в последний момент вско-чить в тамбур.
Чтобы перекурить.

У небольшого озера рядом с охотничьим домом мы забили по трубке. Молдавия.

И тут Хрущик заметил у воды двух смуглых девиц.

Они стояли невдалеке и сушили длинные волосы.

Глаза у Хрущика загорелись, и он раскурил трубку.

Разве Николай Ге или Саврасов получали удовольствие? Или Хаим Сутин?

В Париже художников нет — один рынок.

Реклама, выставки, аукционы — это другое. Это мимо.

Хемингуэй увидел (в квартале, где жил Брак) ассенизатора и пивную и понял — отсюда родился кубизм.

«Разглядывание часов — приятный способ убить время».

И. Бродский

Надел шляпу.
Потом штаны. И заправил цепь.
Майку швырнул в сторону.
Выпячивая грудь как-то петушком,
стал укорачивать расстояние. Между ним
и девицами.

Когда поравнялся — девицы оказа-
лись на голову выше.

Они смотрели сверху на шляпу и хи-
хикали.

Хрущик доверительным тоном им
что-то шептал.

Они стали хохотать.

Хрущик показал массивную связку
ключей, которые тяжелой цепью свисали
с его тощего и жилистого тела.

Девицы уже плакали от смеха.

Хрущик развернулся.

Медленно подошел ко мне.

— Поехали отсюда.

И мы уехали из Молдавии.

Одно время у меня была мастерская
на Войковской. Две пустые комнаты.
Высокие. Тихие.

На стенах сохнут трехметровые хол-
сты.

Все горизонтальные — «Тело на кам-
нях».

Все вертикальные — «Распятие».

Приезжала туда Рита с маленькой
Юлей. Внимательно рассматривали этот
экспрессионизм без границ.

Тогда я открывал банку краски мас-
ляной. Переворачивал ее на холст, кото-
рый на полу. И возил по нему, пока краска
не кончится. Открывал следующую.

*Вдруг понимаешь
всю абсурдность про-
исходящего, и свое учас-
тие, и свою вину в
этой абсурдности.*

*Стараешься как
можно меньше при-
нимать в ней учас-
тие.*

*«Жить так, как
будто ты умер».*

*Потом, отстраня-
ясь, чувствуешь силу
и мудрость происхо-
дящего.*

Высший Промысел.

*То, чего не достиг-
нуть нашему разуме-
нию и принимается за
абсурдность.*

— Ну, как тебе? — спросил Рита Юлю.
— Мощняк, — ответила маленькая Юля и чуть было не заплакала.

(Я еще по Одессе запомнил ее замечательный объект с деревянным бруском и подписью «ЮЛЯЖ».)

Перед моим отъездом в Одессу Хрущик предложил присоединить ключи от этой мастерской к его могучей связке.

Что я и сделал.

В тайной надежде — Хрущик будет работать, выйдет на размер, найдет свою тему. А то всё какие-то рыбки, кайфики.

И все чемоданного размера.

Материалы есть. Тихо. Светло.

Полы свободны. Соседей нет.

Но через месяц я нашел только пару угольных почеркушек и пепельницу. Переполненную. Не только окурками.

Тяжелыми размышлениями.

Все непросто.

Это не выход из метро. С указателями.

Направо — «выход на тему».

Налево — «выход на размер».

Не станешь же рисовать рыбку в три метра? А почему бы и нет? Смотря как.

А как?

Как-то в конце 70-х была квартирная выставка.

У Хрущика на Чижикова.

Я по всем стенам развесил много маленьких ярких работ.

Красное с зеленым, синим, белым и желтым.

Все на дощечках.

Блестят. Переливаются.

Написаны на густом лаке.

И все разделились на зрителей и участников действия на этой арене.

Но — зритель тоже участник.

Он — анализ того, что на сцене.

Но он тоже кукла на нитках.

Иногда кто-то рвет эти нити, пытаясь быть свободным, и превращается в груды обломков.

— О чем думает пыль, когда ее стирают с поверхности?

«Помни обо мне», — шепчет пыль.

Оден

Так и мы, когда стирают с поверхности мира этого.

«...он рисовал так, как после войны инвалиды рисовали в электричках».

Из разговора с Л.

— Сплошное лакомство, — сказала мне тогда Людочка Ястреб. Умела определить точно.

В двух словах.

Но этого достаточно.

Я тут же забросил это сладкое дело.

Но попробовать было надо.

По длинному коридору ЖСК шла женщина преклонных лет со внешностью современной ведьмы.

От нее исходили резкие нездешние звуки. Позывные. Как спутник в космосе.

Но сама она их не слышала.

Звуки издавал ее слуховой аппарат.

В руках длинный металлический штырь. Он выдвигался. Легко вертелся по сторонам. Это Альвика вышла проверить ауру помещения. Астральное тело коридора.

Немного раньше я делал рисунки на репинские темы. Целую серию.

«Астральное тело бурлаков».

«Астральное тело Волги».

Видимо, что-то висело в воздухе.

Однажды Хрущик проснулся в поту. Темно. Над ним стоит Альвика. А перед лицом Хрущика качается и мерцает длинный железный палец. Альвика проверяла ауру Хруща.

Но он был неуловим.

Стрелка прыгала то в минус, то в плюс, издавая космические сигналы. Альвика удалилась.

Этим прибором и таким же манером она проверяла все работы Хрущика. Перед тем как их купить.

И собрала уже много.
Вся отдельная комната в ЖСК была
увешана Хрущем.

В рамках. Под стеклом.

Все желающие и платежеспособные
приходили посмотреть.

На то, что понравилось, указывали
пальцем. Пока Альвики не было. Хрущик
тут же доставал работу из-под стекла.

Мгновенно делал копию.

Приблизительную. Похоже, но толь-
ко издали.

Копию он вставлял в стекло.

Постепенно вся комната была скопи-
рована. Точней — вся коллекция. Альвика
не замечала.

При проверке аура оставалась той же.

В оригинале остался лишь портрет
самой Альвики. Изумительного мастерст-
ва. Такой не подделать.

Но после проверки ауры самого Хру-
щика он перешел спать в столярку. Спал
на столярном станке, завернувшись в ту-
лупчик.

Весь в стружках приходил ко мне
пить чай. Только перейти дорогу. Напив-
шись, садился к телефону.

Со всеми, с кем он разговаривал, обя-
зательно договаривался о встрече.

Сегодня. Сейчас. И звонил следую-
щему.

Тоже договаривался.

В другом месте. В другое время.

Но сегодня.

Договорившись со всеми, оставлял телефон в покое.

И мы спокойно заваривали чай.

Кастрюлю овсянки.

Доставали табак. Книги.

И до утра.

А если Хрущик уходил, то обычно к тому, с кем не договаривался. Спонтанно. Как в голову придет.

Делал ход неожиданный.

Всех рассыпал вокруг.

Всё разрушал. Все связи.

Потом неожиданным, но гениальным ходом все объединял.

Как в живописи.

Не делал ходов, которые ожидали.

Просчитывали.

Поэтому Хрущик непредсказуем.

Неуловим.

Разве можно его представить с книжкой-календарем, расписанным по дням и часам?

Хрущ — птица вольная.

Мир его ловил, ловил и не поймал.

Хрущ ему назначил встречу, а сам ушел в другую сторону.

Сейчас мир таков, что каждого можно просчитать.

Или каждый себя просчитал и все свои последующие ходы.

Вольная птица редкость.

Птиц, отрабатывающих траекторию своего полета. А не в ежедневной борьбе за рыбку голову.

Свобода дорогого стоит. И платить нужно собой.

Как понимать?

Почему «Окорок, душа и анкета для заполнения»?

Окорок — несмотря на то, что Хрущик так внимательно относился к своей внешности.

К одежде. К телу.

Хрущик обожал женщин.
Всех. Начиная с бабушки.
Она для него как Арина Родионовна и Анна Керн.
В одном лице.
А сам Хрущик для Одессы как Пушкин в иной ипостаси. Изобразительной. Пластической.
Постоянно при первом взгляде на его работу хочется воскликнуть:
— Ай да Хрущик, ай да сукин сын!
Камер-юнкер Хрущик на балу у графа Воронцова.
Нет. Хрущик свободнее. Отвязнее.
Ему, признанному баловню Одессы, надо.....
Как Бенвенуто Челлини. Флоренция. Любимому неразумному сыну. Например — памятник-шляпа.
Из суперсплава, как космический корабль.
Как летающая тарелка.
Главное — передать чувство, что вот-вот она внезапно оторвется и улетит.
Передать оторванность.

А вообще, Хрущик нездешний.
Помню его любимый анекдот.
Двое бандитов, достав ножи, стоят на дороге и спорят, луна в небе или месяц. Решили спросить у прохожего. Тот, смекнув ситуацию:
— Ребята, я не местный.
Это его позиция. Просто никто.
Просто выбежал пописать.

*Окорок — просто кусок мяса, прокопченный дымом. Из трубки.
Просто оболочка, которую требовалось приукрасить. Содержать в порядке.
По мере сил и возможности.
А внутри — душа.
Их Хрущик разделяет.
Оболочка (ококор) и душа (нечто противоположное оболочке).
И — анкета для заполнения.
Анкета это тот мир наш, где все расписаны и пронумерованы.
То, что Хрущик ненавидел и от чего убегал.
Анкета — это система.
Это конец свободы.
И между окороком и анкетой только душа свободна.

Дашенька про ненаписанную картину:
«В левом углу маленькое пятно. Слова. Если провести параллель — образуется кубизм Матисса.
Ритм сечения неукротим.*

По паспорту Хрущик был прописан в доме, который 15 лет как снесли. Хрущик пытался делать и мои портреты. Но не мог справиться с натурой. Не понимал. Редькой вверх или редькой вниз. Получалось слащаво. Приукрашено и омоложено.

Преподносил в виде комплимента.

Раз Хрущик долго бился над моим неуловимым обликом.

Веер всевозможных поворотов.

Листы разбросал по полу.

Стали обсуждать.

Из соседней комнаты выбегает трехлетний Илюшка.

Начинает по рисункам бегать.

Туда-обратно. Как челнок.

Уголь на листах не зафиксирован.

И рисунки покрываются крошечными пальчиками и пятками.

Всё. Теперь можно фиксировать.

«Хрущик, — ты гений», — думаю я.

Как Хрущ писал женщин!

Обнаженное тело. Как он его чувствовал!

Чем больше вывернет, тем сексуальнее получится.

Он его знал. Изучал. Понимал.

Не думаю, что он рисовал с манекена, лежащего у него в мастерской на Пушкинской в позе Венеры Джорджоне.

Вот мы в две руки пишем «Кающаяся Магдалина».

Хрущик вывернул грудь Магдалины так, что я ничего не мог дополнить. Но я написал Христа, и он не тронул.

*Выстраиваем круг
вдоль нижнего бортика.
Образуется нечто.
Бегущая фасоль (фасоль)
в перпендикуляре.
Когда стараешься,
тогда не получается.
Лучше свесить ножки
в бассейн — вот и параллель.
Заключаем —
что все диагонально
к праотцам реализма.*

*В моих портретах
качества были противоположные.*

*Вот я пишу женский
портрет. Актриса театра
Гоголя или московская
поэтесса.*

*Стараюсь покрасивей.
Помоложе.*

*Результат один. Все
говорят:*

*— Похоже, но ей еще
лет семь погулять надо.
Или десять. Тогда
будет самый раз.*

*Ты узнаешь счастье,
когда видишь его
воплощенным?*

*Тогда ты счастливый
человек.*

*«Грустно, когда
звоночник распрямляется
лишь на кресте».*

Е. Лец

Забавная картинка получилась.

Грудь Магдалины размером во все Распятие.

— Да, Мемлинг, Мемлинг, — как-то особенно задумчиво произносил Хрущ.

И глаза его приобретали такое выражение, как будто он смотрел вглубь себя.

И мне вдруг стало ясно, что во многих работах Хрущика присутствовал Мемлинг. Его утонченность и «изощренность».

В 88-м году Ириш уговорила меня делать выставку.

Натворил много. Разного.

Пора показать. Открыть лицо людям.

Альвика предоставляла две комнаты в ЖСК. За картинку.

Нежилое помещение.

Канторская атмосфера.

Позывные Альвики.

И кто сюда пойдет?

Но помещение не отслеживалось КГБ.

И это был центр Москвы.

Я вяло согласился.

Кое-как разбросал по стенам большие холсты. Маленькие поставил на пол. Ведь самому интересно посмотреть на все это со стороны.

Помню, как увидел по-настоящему одну свою работу только в Шереметьево, когда таможенники попросили несчастного американца развернуть трехметровый рулон.

Но каждый человек несет свой крест. Обязан нести. И только тогда человек распрямляется. Т.е. — крест распрямляет человека.

А я стоял за перегородкой и с расстояния отмечал про себя удачные и неудачные места.

Теперь, когда все собрано вместе и развешано, многое можно увидеть.

Моя предыдущая выставка случилась в детском саду Бывшем.

Старинный дом. Уютно. Светло. 2-й этаж. Во всю стену 6-метровый холст «И смерть убивает смерть».

Он и написан был здесь же, на полу.

Было живо. Толпа. Американка Эн Левит от галереи Мэри Бун.

Какие-то люди из швейцарского банка.

Много молодых концептуалистов.

Они потом и создали здесь свою группу «Детский сад».

Сейчас у Альвики все проходило спокойно.

Но вот является директор Бернского музея фон Тавель.

За ним, вернее, по его совету, богатый немец Ланг.

И покупает всё.

Всю выставку. Два зала.

И Хрущик вдруг перестает общаться. Молчит. О чем-то думает.

Я решил, что он хочет процент. Альвика заявила о проценте сразу. Через помощников.

Но всё не так.

Хрущика мучила другая идея.

Творческая.

Все та же — тема.

Своя тема и соответствующей ей размер.

Ни фон Тавеля, ни Ланга на свою экспозицию он не пригласил. Маленькие стеклянные картинки.

Птички-рыбки. Для украшения.
Салон. Хоть и талантливо.
А внутренняя потенция огромна.
И силы еще есть (каких-то 45 лет).
Хрущик чувствовал нутром —
срочно надо делать вывод.

Но озвучить эту мысль он не смог.
Не было сил. Просто молчал.

Я понял.

Его надо остерегаться.

Он опасен. Непредсказуем.

Все может.

Московский период Хрущик провел в одежде днем и ночью.

Ночью, потому что не спал.

А днем — был всегда готов ко всему, если и засыпал ненадолго.

Не помню, чтоб принимал ванну или душ.

Не то что Руслан Макоев.

(Тот отмывался в ванной часами, и однажды, выйдя, попросил всю оранжевую одежду, какая есть в доме. Ириш ему выдала все, что имелось. И перевела на английский бумагу для Раджнеша. Руслан оделся, взял бумагу, и больше мы его не видели.)

Была у Хрущика мастерская на Пушкинской. Как бы запасная. Секретная.

В центре полутемной комнаты на полу полулежал женский манекен.

Весь в цветных драпировках.

Как-то я спросил Хрущика — какого он мнения о фиолетовых тонах

— Фиолетовый — это загадка, — ответил Хрущик, — а моя любимая пара — английский красный и кобальт синий.

Я не помню, чтоб у Хрущика когда-нибудь была палитра.

Один очень умный человек, написавший несколько книг из жизни замечательных людей (и художников тоже), так сказал о моем портрете Хруща:

Руки-ноги на шарнирах.
На голове и в нужном месте настоящие волосы. Или очень похожи на настоящие.

Помню в углу тумбочку.
Набита бутылками с вином.
Для гостей.

Рядом на мольберте маленькие портретики маслом.

Тремя мазками прекрасное лицо (жена Аркаши Л.). В разных вариантах.

Но ничего не закончено.

Все сделано урывками.

Три мазка в три секунды.

Работать здесь было невозможно.

Атмосфера была отравлена манеженом.

Есть мастерские с очень плохой аурой.

Конечно, тип он был отвратный.

Невыносимый.

Вот говорит, заикаясь, какие-то жаргонные словечки.

Хихикает театрально. Шепчет.

Смеется на публику.

Актер, конечно, гениальный.

Но что он там себе думает?

Где он?

Где он настоящий?

При всем том чувствуешь, что в голове у него совсем другое. Какие-то варианты. Он далеко.

И где-то там строятся комбинации на всех уровнях. Как в его живописи. Почему почти что все ему прощалось?

— Это секретный китайский солдат.

Это было точное попадание.

Его восприятие Хруща совпало с моим, но я не смог определить это словом. Я нарисовал.

А он произнес ключевое слово — «секретный».

Для многих, если не для всех, Хрущик остался секретом.

Кто-то сравнил:

«Как воздушный шарик на ниточке. Несеешь — красиво. Но отпустить нельзя — улетит».

Дети о нем:

«Хрущик — зверь золотогривый, по ночам ходит».

И на групповых фото художников он всегда в центре. Никогда где-нибудь на заднем плане. Или сбоку.

Попади он в тюрьму, я думаю, было бы то же самое. Сразу нашел бы общий язык. Сыграл.

Зеки почитали бы его своим.

Да они и считали, раз приходили на Чижикова.

Случайный человек, со стороны, глядя на Хрущика, думал:

— Что за непонятное создание?

— И откуда он такой взялся?

А вот ниоткуда.

Одесса родила.

И где эта елка, на которую вешались эти игрушки?

И какая она? Его внутренняя концентрация.

Загадка. Как и все его работы.

Другой уровень восприятия действительности.

Другой опыт предыдущих жизней.

И все это чувствовалось нутром.

Хрущик один из редких художников, кто видел красивое в некрасивом. Прекрасное в безобразном.

Во всем огромном диапазоне.

Так работал.

И так жил.

В Москве, в Беляево, был прекрасный выставочный зал. Высокий, просторный. Стены стеклянные. Всегда пустой.

Разговор Ж.Малахина с моей матерью:

— Вот пишу книгу. О чем? О том, что я ее писать не хочу. Пишу о том, что писать книги не хочу, — и получается книга.

Под ним бункер. Обычный. Бетонный. Коридоры, комнаты, тупики. В бункере царил Хрущик.

Он был хозяином всех подземных лабиринтов.

И случись атомная атака, все посетители выставки, все любители прекрасного, могли спокойно спуститься под землю к Хрущу и пересидеть у него недельку.

В бункер приходили все.

Чаще ночью.

Днем хозяин спал.

Да и в бункере неясно — день или ночь.

Как под шляпой Хруща.

Бетонные стены. Пыточное освещение.

Работаем на ощупь.

Так, внутренним зрением представляешь, что должно получиться. Вынесешь на дневной свет — и ахнешь.

Состояние в бункере такое, будто завтра с утра должен принять яд. Тебя завернут в твои холсты и сожгут.

В душе что-то дребезжало.

Звенело.

Поднявшись из бункера на поверхность, я решил писать «Царь-колокол».

В натуральную величину. Иначе не зазвенит.

Диптих. Одна часть — колокол днем. Другая — ночью. Но из сколотой части колокола — яркий свет.

Только теперь мне понятно, что это была реакция на бункер.

*«Мы жили в городе
цвета окаменевшей
водки».*

И. Бродский

*Веду две жизни, как
летающая рыба.*

*Выскочил в другую
среду — и обратно под
воду. (У Жванецкого
рыба ведет тоже две
жизни. Одну — в жи-
вом виде. Другую —
в копченом.)*

Писал в выставочном зале, при дневном свете.

И там же, еще мокрые, выставил.

(11 сент. 88 г. открылась выставка «День Москвы». Хрущик решил не выставляться.)

Когда бутылка пива — драгоценность. Как и банка с окурками. Ими я набивал трубку.

— Глохни, рыба, горя хапнешь, — возник голос из будущего.

Звезды были расположены так, что Чистые Пруды казались мутным вермутом. Они были размытыми и счастливыми.

— Праздник одуванчиков, — говорил мой покойный друг.

И чувствовалось Присутствие.

Вздыхнул. Дождь.

Звезды расположены так, и все происходило так. Твоя задача — отдаться этому.

Ты ребенок и понимаешь цветные пятна и линии, которые вне времени. И перед тобой река. За ней Русский Дом. А за спиной церковь, мерцающая в зрачках.

Внутри тебя прокручивается исповедь.

Ты готовишься. Может, в последний раз.

Или первый. Это закрыто.

Взгляд скользит по воде, крестам, мелькающим фигурам.

А звезды (в их расположении) вверху.

Помню непреднамеренное убийство мышонка.

В распахнутых дверях с трагическим лицом стоит Хрущик с молотком в руке.

Забивал какой-то щит.

Пробегал мышонок.

Рука сработала мгновенно.

Хрущик расстроился — он не успел даже подумать. А точный глаз и точная рука опередили его.

Руку Хруща, его пальцы, надо было видеть во время работы.

Он держал кисть так, что если с нее и упадет капля, то точно в зрачок.

Дурдом на Левобережной. Москва (начало 80-х). Курилка. Окна и лампы в сетках.

В центре — ведро. Туда плевали и сбрасывали окурки.

Все делились на «Аликов» и «шуриков» — алкоголиков и шизофреников. Старая гармонь с инкрустацией перламутром и костью.

Все тихо слушают.

Алик поет: «Ты будешь уркам клей варить сапожный, а я — шнурками на базаре торговать».

Его глаза смотрят сквозь ведро с плевками.

Другой Алик, совсем юный, со слезами:

— Я скорее хочу вернуться. У меня на столе осталась неоконченная бутылка портвейна.

висел-болтался

и не находил себе места

и улыбался-кланялся

и танцевал со смертными

и жил пока не умер

и вспорхнул когда родился

Я тоже хотел вернуться.

Меня ждала неоконченная мозаика.

Вот и сейчас из разных кусочков-камешков пытаюсь что-то составить. Кусочки все малозначащие. Но вместе могут что-то выстроить.

Какую-то сумму.

Не так важны сами детали, пустяковые случаи нашей жизни, вся мозаичная дребедень. Но они — та атмосфера. Которой уже нет. Тот воздух, на котором все держится.

«Главное не узор, а воздух,
на котором он держится».

О. Мандельштам

Позвонил Шура Ануфриев из какого-то штата Америки.

— Когда я видел в последний раз Хруща, он был мягкий-мягкий, — такой, как в детстве. Тогда он Риту называл — «т-т-тетя Рита» (это потом уже — Р-Ритуха).

Позже он стал жестким, очень жестким. Но я его увидел мягким — наоборот, он уже знал, что болен.

Потом Шура сказал:

— Хрущик — это маленький Сычик. Так похожи.

Интересное сравнение, но поверхностное.

На самом деле Сычев — это маленький Хрущик (несмотря на свой рост и вес).

Если их сравнить по количеству таланта и свободы.

*«Сумма нулей —
страшная величина».*

Е. Лец

*Дашенька (засыпая
под сирену «скорой по-
мощи»):*

*— Папа, а звук
воздух уплотняет?
А цвет?*

*Только неправиль-
ные (поверхностные)
вопросы имеют от-
вет.*

*Правильные (глубо-
чайшие) вопросы не
имеют ответа.*

Кришнамурти

Сто двенадцать мгновений Хруща.
Конечно, каждый видел его разного.
По-разному.
У каждого — свой Хрущик. Неуловимый. Ежесекундно меняющийся.
Вот он говорит: «Нищак», — а вот — «Голдяк».

Хихикает. Заикается. Молчит.
Смеется декоративно.
Жокей. Тореадор. Целует ручки.
Оборванец. Бомж. Дамский угодник.
Антиквар. Старьевщик.
Печник. Эстет. Неуч-тонкач.
Лентяй-труженик.
Нищий. Матерщинник. Обманщик.
Без царя в голове. Божий человек.
Изощренно-утонченный. Звериное чутье.
Хам. Пижон. Вор и подонок. Гений.
Птица свободного падения.
И взлета.

— «Я потерял в жизни много, а главное — здоровье», — не раз говорил Хрущик, — рассказывал мне по телефону незнакомый женский голос.

— Ночь на 24 октября спал спокойно. В 8 часов открыл глаза. Сказал: «Доброе утро», — и умер.

Любимая тема Хруща это рыбки.
Он написал и вырезал из дерева их множество.

Я никогда не рисовал рыбок.
Как-то через год после смерти Хрущика прокрывал золотом небольшую рельефную плоскость.

*Время
покажет место
не здесь
и не сейчас*

Д. Шостакович терпеть не мог ноту фисс (фа дубль диез).

Особенно в 5-1 симфонии П. И. Чайковского.

«Не выношу», — говорил Шостакович.

Внизу появилась рябь воды.
А из каких-то затонов выпрыгнула
из воды рыбка.

Я только чуть-чуть помог ей. Золо-
тая рыбка в золотом небе. Ее полет
описывал омегу.

«Что ты рисуешь лошадь?
Нарисуй хвост — что? тоже не мо-
жешь?»

М. Врубель

Вот и я пытался изобразить худож-
ника.

Но не могу даже и его шляпу.
Прости.

P. S.

В те годы мы жили и работали, «как
на корабле во время потопа — писать
и закупоривать в бутылку. Потом про-
чтут».

А пустых бутылок у нас было много.

Ловля Хруща

Когда Хрущик был совсем малень-
кий и передвигался на колесах, к нему
подлетел Ангел и протянул карандаши.

— Б-бабушка, — тоненько засмеялся
Хрущик и уснул.

Как можно поймать Хруща?

Какие сети расставить?

Из каких линий, пятен, мазков?

Проведешь две линии — и он между
них ускользывает.

Наносишь пятно — и он сквозь него просачивается.

Делаешь мазок — и он за ним исчезает.

Что такое Хрущик — его каждый видел по-своему.

Может быть, такой, а может, такой.

Если же проследить за процессом выявления неповторимого образа Хруща, то скорее видишь, кем он не был, чем кем он был.

Он изменчив
ни застенчивый, ни наглый
ни ударник труда, ни лентяй
ни любимчик союза и фонда
ни пижон, ни шантрапа
вчера он стар — сегодня молод
ни весёло-грустно-задумчивый
разве можно просчитать его алгеброй?
может — так? но — нет
при приближении просматривается
но это не то,
шляпа отдельно не имеет смысла
всё не то, не то,
можно зачеркнуть.
не получилось
его не поймать.
подведем черту

Рисунки Владимира Наумца

СОДЕРЖАНИЕ

Кисть руки	7
Алкопроза.....	86
Шляпа с полями.....	141

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Владимир Наумец

АЛКОПРОЗА

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 150 прим. Зам. № 5909
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 11
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 08.05.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Наумец Владимир Петрович родился 9 июня 1945 года в городе Львове. В 1956–1959 гг. учился в Одесской детской художественной школе №1 (Зайцев ММ).

В 1959–1964 гг. обучался на живописно-педагогическом отделении ОГХУ (Фрумина Д. М.). С середины 1970-х участник нескольких сотен выставок. В 1979 году принимал участие в неофициальной выставке «Современное искусство из Украины» (Нью-Йорк, Париж, Лондон, Мюнхен).

С 1989 года живет и работает в Кёльне (Германия).

С 1999 года член международной Ассоциации мозаичистов (Равенна, Италия). Работы Владимира Наумца находятся в музее Нортон-Доджа (США), музеях современного искусства в Вене (Австрия), Берне (Швейцария), Кёльне (Германия), Сан-Марино (Италия), Одессы и в частных коллекциях по всему миру.

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА БЕДОГОВА

